

Зов ангела

Автор:

Гийом Мюссо

Зов ангела

Гийом Мюссо

Маделин и Джонатан случайно столкнулись в нью-йоркском аэропорту. Об этой встрече можно было немедленно забыть, если бы не одно обстоятельство: в тулоке они случайно обменялись мобильными телефонами.

Мобильный телефон для современного человека не просто средство связи. Ему доверяют то, что раньше доверяли только дневникам и сейфам. Порывшись в памяти телефона Маделин, Джонатан понял нечто такое, что заставило его взять билет на самолет, чтобы немедленно встретиться с ней.

Маделин тоже потратила немало часов, чтобы узнать как можно больше о Джонатане, и ей было что ему рассказать.

Эти двое встретятся в Нью-Йорке, чтобы найти ключ к загадке, которая когда-то едва не стоила Маделин жизни...

Гийом Мюссо

Зов ангела

© Нечаев С., Нечаев К., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Берег надежнее, но я люблю бороться с волнами.

Эмилия Дикинсон

Пролог

Мобильный телефон?

Поначалу вы не видите особой от него пользы, но, чтобы не казаться совсем допотопным, начинаете пользоваться самой простой моделью с обыкновенным базовым пакетом функций. В первое время вас еще иногда удивляют те, кто слишком громко говорит в ресторане, поезде или на террасе кафе. Но это правда оказывается весьма удобно – ведь можно всегда держать семью и друзей в зоне слышимости.

И вот, как и все остальные, вы уже научились писать эсэмэски, набирая их на крошечной клавиатуре, и теперь то и дело отовсюду их отправляете. Как и все, вы отказались от своего ежедневника, заменив его электронной версией. Освоив приложения, вы ввели в каталог телефонные номера ваших друзей, членов вашей семьи и любовника. Там же вы закамуфлировали имена ваших бывших, а также пин-код кредитной карты, который вы постоянно забываете.

Вы теперь используете мобильник даже для того, чтобы делать фотографии, правда, не очень хорошего качества. Это же так здорово – всегда иметь при себе смешную картинку, чтобы показать ее коллегам.

Все вокруг поступают точно так же. Мобильник стал предметом эпохи, стирая грани между личной, профессиональной и общественной жизнью. Ведь в повседневной действительности все стало таким срочным, таким подвижным, и это требует постоянного жонглирования вашими планами и графиками.

* * *

А недавно вы сменили свой старый аппарат на более продвинутую модель: на маленькое чудо, позволяющее не только получить доступ к вашей почте, но и просматривать интернет-сайты и скачивать сотни нужных приложений.

И вот так вы стали подключенным. Мобильник стал как бы вашим продолжением, сопровождая вас даже в ванной комнате или в туалете. Вы редко выдерживаете хотя бы полчаса, чтобы не бросить взгляд на экран, не проверить пропущенные вызовы, не ответить на интимное или дружеское послание. И если ваш почтовый ящик пуст, вы все равно нажимаете на кнопки, чтобы убедиться, что почта не стоит в режиме ожидания.

Телефон оберегает вас, подобно тому, как в детстве оберегало одеяло: его экран такой мягкий, такой успокаивающий, как снотворное. Он дает вам уверенность в любых ситуациях, дарит способность мгновенно установить нужный контакт, что открывает перед вами массу возможностей...

* * *

Но однажды вечером, возвращаясь домой, вы, обшарив все карманы и сумки, вдруг понимаете, что ваш мобильник исчез. Потерян? Украден? Нет, вы отказываетесь в это поверить. Вы проверяете все еще раз, но безуспешно, а потом начинаете убеждать себя, что просто забыли мобильник в офисе, но... Нет, вы же прекрасно помните, что пользовались им в лифте, уже уйдя с работы, и – вероятно – в метро тоже, и в автобусе.

Черт!

Сначала вы злитесь из-за потери телефона, а потом хвалите себя: ведь вы застраховались от «кражи/потери/поломки», а значит, уже завтра сможете получить новую высокотехнологичную игрушку.

Тем не менее в три часа утра вы понимаете, что так и не смогли заснуть...

Черт!

Вы сидите, согнувшись, на стуле. Вам холодно: пришлось оставить окно открытым, чтобы выветрился запах сигарет.

Вы пытаетесь вспомнить, что было в утерянном телефоне: видео, около пятидесяти фотографий, сообщения, ваш адрес (включая код от входной двери здания), адрес ваших родителей, номера людей, которые необязательно должны были там находиться, сообщения, по которым можно предположить, что...

Не надо быть параноиком!

Новая затяжка и еще один глоток алкоголя.

По-видимому, там нет ничего действительно компрометирующего, но вы прекрасно знаете, что внешние представления обманчивы.

А беспокоит вас то, что ваш аппарат мог попасть в недобрые руки.

И вот вы уже жалеете о некоторых фотографиях, нескольких письмах и разговорах. Прошное, семья, деньги, секс... Хорошо поискав, тот, кто захочет вам навредить, найдет то, чего будет достаточно, чтобы сломать вашу жизнь. Вы сожалеете, но эти сожаления бессмысленны.

Вас пробирает дрожь, и приходится встать, чтобы закрыть окно. Прижавшись лбом к стеклу, вы наблюдаете за редкими огнями, которые еще сияют в ночи, говоря вам о том, что на другом конце города находится человек, просматривающий ваш телефон и с восторгом копающийся в вашей частной жизни, методично пытающийся отыскать в недрах аппарата ваши маленькие грязные секреты.

Часть первая

Кот и мышь

1. Обмен

Есть существа, которым суждено пересечься. Где бы они ни находились. Куда бы они ни шли. Однажды они встречаются.

Клод Галле

Нью-Йорк

Аэропорт имени Джона Кеннеди

За неделю до Рождества

ОНА

– И что потом?

– Потом Рафаэль подарил мне бриллиантовое кольцо от Тиффани и попросил меня стать его женой.

С телефоном, словно приклеенным к уху, Маделин шла вдоль высоких витрин, доходивших до самого асфальта. В пяти тысячах километров от этого места, в своей квартирке на севере Лондона, ее лучшая подруга слушала, полная нетерпения, подробный отчет о ее романтических приключениях в Большом Яблоке[1 - Big Apple – самое известное прозвище Нью-Йорка. – Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примеч. пер.].

– Он тебя действительно втянул в большую игру! – заметила Джулиана. – Выходные на Манхэттене, номер в «Уолдорф-Астории», поездка в карете, предложение в лучших традициях...

– Да, – ответила Маделин. – Все было прекрасно, как в кино.

– Может быть, немного даже слишком идеально, нет? – поддразнила ее Джулиана.

– Можешь мне объяснить, как что-то может быть «слишком» идеально, госпожа скептик?

Джулиана неуклюже попыталась исправиться:

– Я имела в виду, что в этом не было неожиданности. Нью-Йорк, Тиффани, прогулка под снегом и каток в Центральном парке... Это ожидаемо, можно даже сказать, что это клише!

Маделин не осталась в долгу:

– Если я правильно помню, Уэйн попросил тебя выйти за него замуж, когда вы возвращались из паба, после выпивки. Паб был набит, как в метро в час пик, а его вырвало в туалете сразу после того, как он попросил твоей руки, не так ли?

– Хорошо, ты выиграла этот раунд. – Джулиане было нечего возразить.

Маделин улыбнулась, приблизившись к зоне прилета, пытаясь найти Рафаэля посреди толпы. В начале рождественских праздников тысячи туристов собрались в терминале, который гудел, как растревоженный улей. Некоторые торопились к своим семьям, другие спешили на другой конец света, в райские уголки, подальше от серости Нью-Йорка.

– Слушай, – продолжила Джулиана, – но ты не сказала мне, каков был твой ответ.

– Ты что, шутишь? Я сказала «да», конечно же!

– И ты даже не помучила его немного?

– Помучила? Джул, мне почти тридцать четыре года! Тебе не кажется, что я и так достаточно долго ждала? Мне нравится Рафаэль, мы с ним вместе уже два года и сейчас пытаемся завести ребенка. Через несколько недель мы переедем в свой дом, который выбрали вместе. Джулиана, первый раз в моей жизни я чувствую себя защищенной и счастливой.

– Ты говоришь так, потому что он находится рядом, не так ли?

– Нет! – воскликнула Маделин, смеясь. – Он пошел регистрировать наш багаж. Я говорю так, потому что я действительно так думаю! – Она остановилась у газетного киоска. Плотные сложенные пачки газет щетинились картинками мира, несущегося по течению: экономический кризис, безработица, политические скандалы, социальные конфликты, экологические катастрофы...

– Ты не боишься, что с Рафаэлем твоя жизнь будет предсказуемой? – нанесла удар Джулиана.

– Это не проблема! – ответила Маделин. – Мне был нужен кто-то твердый, надежный, верный. Ведь вокруг нас все так неустойчиво, хрупко и шатко. Я не хочу подобного в моем браке. Я хочу возвращаться вечером домой и быть уверенной, что найду там мир и спокойствие. Ты понимаешь?

– Хм... – отозвалась Джулиана.

– Никаких «хм», Джул. Иди лучше, начинай обход магазинов, выбирай платье – тебе быть подружкой невесты!

– Хм, – тем не менее повторила молодая англичанка, но на этот раз больше для того, чтобы скрыть свое волнение, чем для того, чтобы продемонстрировать свой скептицизм.

Маделин посмотрела на часы. У нее за спиной, на взлетно-посадочной полосе, серебристые самолеты ожидали своей очереди на взлет.

– Хорошо, я оставлю тебя в покое, мой рейс отправляется в 17.30, а я еще не получила моего... моего мужа!

– Твоего будущего мужа, – поправила ее Джулиана. – Когда ты приедешь ко мне в Лондон? Почему бы не в этот уик-энд?

– Как бы мне хотелось! Но это невозможно, мы приземлимся в Руасси слишком рано. У меня едва хватит времени, чтобы принять душ у себя дома перед открытием магазина.

– То есть ты не прекращаешь работу, ведь так?

– Я флорист, Джул! А в Рождество у меня больше всего работы!

– Постарайся хотя бы поспать во время перелета.

– Ладно! Я перезвоню тебе завтра, – пообещала Маделин.

ОН

– Не настаивай, Франческа, не может быть и речи, чтобы мы увиделись!

– Но я всего лишь в двадцати метрах от тебя, внизу, у самого эскалатора...

С телефоном, словно приклеенным к уху, Джонатан нахмурился и подошел к балюстраде, выходящей на эскалатор. Внизу стояла молодая брюнетка, которая говорила по телефону, держа за руку ребенка в слишком большой для него куртке. У нее были длинные волосы, джинсы с заниженной талией, дутая пуховая куртка, а также дизайнерские солнцезащитные очки с широкой оправой, которые, словно маска, скрывали часть ее лица.

Джонатан махнул рукой в сторону своего сына, робко ответившего на его приветствие.

– Отправь ко мне Чарли и уходи! – приказал он.

Каждый раз, когда он видел свою бывшую жену, его охватывал гнев, смешанный с болью. Это было сильное чувство, которое он не мог контролировать и которое делало его одновременно и злым, и подавленным.

– Ты не можешь продолжать разговаривать со мной так! – запротестовала она. В ее речи слышался небольшой итальянский акцент.

– Не смей даже пытаться учить меня! – взорвался он. – Ты сделала свой выбор, и теперь тебе придется мириться с последствиями. Ты предала свою семью, Франческа! Ты предала нас, Чарли и меня.

– Оставь в покое Чарли!

– В покое? В то время как он как раз и есть тот, кто платит за разбитую посуду? Это из-за твоей выходки он видит своего отца всего лишь несколько недель в году!

– Я сожа...

– А самолет! – перебил он. – Ты хочешь, чтобы я напомнил тебе, почему Чарли боится летать на самолете один, и из-за этого я должен ехать через всю страну во время любых школьных каникул? – спросил он, повышая голос.

– Все, что произошло с нами... это жизнь, Джонатан. Мы взрослые люди и должны понимать, что нет только черного и только белого.

– Но судья почему-то решил не так, – заметил он и вздохнул, вспомнив про развод, который был решен в пользу его бывшей жены.

Задумавшись, Джонатан посмотрел вниз. Было всего 16.30, но ночь должна была вот-вот наступить. На освещенных взлетных полосах стояла целая вереница больших широкофюзеляжных лайнеров, ожидавших сигнала на взлет в направлении Барселоны, Гонконга, Сиднея, Парижа...

– Ладно, хватит болтать, – сказал он. – Занятия в школе начнутся третьего января, и я привезу тебе Чарли накануне.

– Ладно, – согласилась Франческа. – И еще одно: я купила ему мобильник. И я хочу иметь возможность поговорить с ним в любое время.

– Ты что, шутишь? Об этом не может быть и речи! – взорвался он. – В семь лет нет надобности в телефоне.

– Спорный вопрос, – возразила Франческа.

– Если спорный, то ты не должна была принимать решения в одиночку. Мы поговорим об этом, может быть, но сейчас ты заберешь эту штуковину и отпустишь Чарли ко мне!

– Хорошо. – Франческа сдалась.

Джонатан наклонился через перила и прищурил глаза, чтобы убедиться, что Чарли передал Франческе маленький яркий чехол, потом мальчик поцеловал мать и неуверенно шагнул на эскалатор.

Джонатан толкнул нескольких пассажиров, чтобы подхватить наверху своего сына.

– Привет, пап.

– Привет малыш. – Он сжал его в объятиях.

ОНИ

Пальцы Маделин на огромной скорости бегали по клавиатуре. С телефоном в руке она прошла мимо витрин магазинов зоны беспошлинной торговли, составляя почти вслепую эсэмэску в ответ на эмэмэску Рафаэля. Ее спутник зарегистрировал багаж, но теперь надо было отстоять очередь, чтобы пройти контроль безопасности. Маделин написала ему, что они могут встретиться в кафетерии.

– Пап, я немного голоден. Можешь купить мне панини, пожалуйста? – вежливо попросил Чарли.

Положа руку на плечо сына, Джонатан пересек лабиринт из стекла и стали, который вел к выходу на посадку. Он ненавидел аэропорты, особенно в это время года, в Рождество, ведь терминалы напоминали ему об ужасных обстоятельствах, при которых он два года назад узнал об измене своей жены. Но, радуясь встрече с Чарли, он подхватил его, оторвав от пола.

– Один панини для молодого человека! – весело сказал он, входя в ресторан.

«Небесные врата», главное кафе терминала, располагались вокруг атриума, в центре которого различные стойки предлагают широкий ассортимент блюд.

«Шоколадный торт или кусочек пиццы?» – спросила себя Маделин, глядя на одну из стоек. Конечно, какой-нибудь фрукт – это было бы более разумно, но ей очень хотелось есть. Она поставила на поднос пирог, а затем вернула его на место, практически мгновенно, как только ее «Джимини Крикет» шепнул ей количество калорий, содержащихся в этом искушении. Немного разочарованная, она поковыряла яблоко в плетеной корзинке, заказала чай с лимоном и пошла оплачивать все это на кассу.

Чиабатта, песто, маринованные помидоры, пармская ветчина и сыр моцарелла: Чарли пускал слюнку, глядя на свой панини. С раннего возраста он сопровождал отца по кухням ресторанов, и это развило у него вкус к хорошим вещам и любопытство ко всевозможным ароматам.

– Будь осторожен, не опрокинь свой поднос, хорошо? – посоветовал Джонатан, оплатив покупки.

Мальчик кивнул, осторожно стараясь сохранить хрупкое равновесие между своим панино и бутылкой воды.

Ресторан был переполнен. Помещение овальной формы было вытянуто вдоль стеклянной стены, выходившей прямо на взлетно-посадочные полосы.

– Куда мы сядем, папа? – спросил Чарли, потерявшись в потоке пассажиров.

Джонатан озабоченно посмотрел на плотную толпу, толкающуюся между стульями. Очевидно, клиентов было больше, чем свободных мест. А потом, словно по мановению волшебной палочки, освободился столик возле окна.

– Поворот на восток, приятель! – объявил он, подмигивая сыну.

И в тот момент, как они ускорили шаг, посреди всеобщего гула вдруг раздался звон телефона. Джонатан замешкался. Руки у него были заняты (чемодан на колесиках он толкал одной рукой, а в другой держал поднос), но он все же попытался извлечь мобильник из кармана пиджака, как тут...

«Что за сутолока!» – подумала Маделин, глядя на армаду пассажиров, захвативших ресторан. А она-то надеялась расслабиться на мгновение перед полетом, но не тут-то было: ни одного свободного столика!

«Ай!» – она еле сдержалась, чтобы не закричать, когда какой-то подросток наступил ей на ногу, даже не подумав извиниться.

«Маленький паршивец», – подумала Маделин, бросив на него строгий взгляд, на который какая-то девчонка ответила незаметным жестом, смысл которого не оставлял никаких сомнений.

У Маделин даже не было времени, чтобы рассердиться на этот акт агрессии, – она увидела свободный столик возле большой стеклянной стены и ускорила шаг, боясь упустить драгоценное место. Буквально в трех метрах от цели мобильник вдруг завибрировал в ее сумке.

«Как же не вовремя!»

Она решила не отвечать, но потом передумала: наверняка это ее искал Рафаэль. Она неуклюже взяла поднос одной рукой. «Черт, этот чайник такой тяжелый», – Мадлен рылась в сумке, пытаясь достать мобильник, засунутый между связкой ключей, ежедневником и романом, который надо было дочитать. Она изогнулась, стараясь поднести аппарат к уху, но тут...

* * *

Маделин и Джонатан столкнулись лоб в лоб. Чайник, яблоко, сэндвич, бутылка кока-колы, стакан вина – все полетело в воздух, а потом оказалось на полу.

Испуганный Чарли тоже уронил свой поднос и принялся плакать.

«Какая идиотка!» – раздраженно подумал Джонатан и закричал:

– Что, нельзя смотреть, куда вы идете?

«Какой кретин!» – со злостью подумала Маделин, приходя в себя.

– Ах! Так это еще и моя вина? Не надо путать, дружище! – ответила она, принявшись подбирать с пола свой телефон, кошелек и ключи.

Джонатан наклонился, чтобы успокоить сына, а потом поднял его панини, защищенный пластиковой упаковкой, бутылку с водой и телефон.

– Я увидел этот столик первым! – заявил он с негодованием. – Мы уже практически сели, когда вы налетели на нас, словно лавина, и даже не...

– Вы что, шутите? Я заметила этот столик раньше вас!

Ярость Маделин лишь подчеркнула ее английский акцент, до того незаметный.

– Во всяком случае, вы одна, а я с ребенком.

– Красивое оправдание! Не вижу, каким образом факт наличия малолетки дает вам право налетать на меня и портить мне блузку! – Маделин рассердилась еще больше, заметив винное пятно у себя на груди.

Потрясенный, Джонатан покачал головой и закатил глаза. Он собрался было возразить, но Маделин опередила его.

– И вообще, я не одна! – заявила она, увидев Рафаэля.

Джонатан пожал плечами и взял Чарли за руку.

– Пойдем в другое место. – И, покидая ресторан, крикнул напоследок: – Тупица несчастная...

* * *

Рейс «Дельта 4565» вылетел из Нью-Йорка в Сан-Франциско в 17 часов. Радуюсь встрече с сыном, Джонатан не замечал времени. После развода родителей Чарли очень боялся полетов. Для него было невозможно путешествовать в одиночку или спать во время перелета. Из-за этого все семь часов перелета они рассказывали друг другу анекдоты, всевозможные истории, посмотрели в

двадцатый раз «Красавицу и Чудовище» на экране ноутбука, отвлекаясь на поедание мороженого. Это лакомство было зарезервировано для бизнес-класса, но понятливая стюардесса, уступив молящему взгляду Чарли и неуклюжему обаянию его отца, все же решила нарушить правила.

Самолет рейса «Эр Франс 29» вылетел из аэропорта имени Джона Кеннеди в 17.30. В приглушенном комфорте бизнес-класса (конечно, ведь Рафаэль знал свое дело) Маделин включила свой фотоаппарат и принялась просматривать кадры с их приключениями в Нью-Йорке. словно приклеенные друг к другу, влюбленные радостно наслаждались лучшими моментами своего медового месяца. Затем Рафаэль уснул, а Маделин в энный раз с восторгом посмотрела «Магазинчик за углом», старую комедию Эрнста Любима, предлагавшуюся для просмотра на борту.

Из-за разницы во времени не было и девяти вечера, когда самолет Джонатана приземлился в Сан-Франциско.

Измученный своими страхами, Чарли заснул на руках у отца, едва они сошли на землю.

В зале прибытия Джонатан стал искать взглядом своего друга Маркуса, вместе с которым они держали небольшое французское бистро в самом центре Норт-Бич, – тот должен был приехать встретить их на машине. Он встал на цыпочки, чтобы посмотреть поверх толпы.

– Я буду удивлен, если он приедет вовремя! – проворчал Джонатан.

Устав искать, он решил посмотреть в мобильнике, нет ли там каких сообщений. Как только он отключил режим «самолет», тут же на экране появилось текстовое сообщение:

Добро пожаловать в Париж, моя дорогая! Я надеюсь, что ты смогла отдохнуть во время полета и что Рафаэль не сильно храпел :-). Прости меня: я действительно рада, что ты выходишь замуж и что ты нашла человека, который может сделать

тебя счастливой. Я обещаю сделать все возможное, чтобы со всей серьезностью и торжественностью справиться с ролью подружки невесты!

Твой друг на всю жизнь, Джулиана.

«Что это за ерунда?» – подумал Джонатан, еще раз перечитав эсэмэску. Тупая шутка Маркуса? Он задумался на несколько секунд, пока проверял аппарат: та же модель, того же цвета, но... это был не его мобильник! Беглый взгляд на приложение к электронной почте позволил ему узнать имя владелицы: некая Маделин Грин, которая жила в Париже.

– Блин! – взревел он. – Это телефон той девки из аэропорта!

Маделин посмотрела на часы, борясь с зевотой. Половина седьмого утра. Полет продолжался чуть более семи часов, но с учетом разницы во времени самолет приземлился в Париже в субботу утром. Аэропорт Руасси просыпался в ускоренном темпе. Как и в Нью-Йорке, наступление рождественских праздников чувствовалось в аэропорту, несмотря на ранний час.

– Ты уверена, что хочешь сегодня идти на работу? – спросил Рафаэль, когда они стояли у ленточного конвейера для багажа.

– Конечно, дорогой! – ответила Маделин, включая свой мобильник, чтобы проверить почту. – Бьюсь об заклад, у меня уже есть несколько отложенных сообщений.

Сначала она решила прослушать автоответчик, и там некий сонный и растягивающий слова голос, совершенно ей незнакомый, вдруг выдал:

– Привет, Джон, это Маркус. Э-э... У меня тут небольшая проблема с машиной: утечка масла и... Короче, я объясню тебе позже. Я это говорю для того, чтобы сообщить, что буду немного позже. Прости...

«Кто этот извращенец? – подумала она, отключив сообщение. – Кто-то ошибся номером? Хм...»

Маделин удивленно осмотрела свой мобильник: он был той же марки, той же модели... но он был не ее.

– Дерьмо! – выпалила она вслух. – Это же телефон того чокнутого из аэропорта!

2. Separate Lives[2 - Отдельные жизни (англ.).]

Страшно остаться одному, когда вас было двое.

Поль Моран

Джонатан послал первую эсэмэску...

У меня ваш телефон. А мой у вас? Джонатан Лемперер.

На что Маделин ответила почти мгновенно:

Да! А вы где? Маделин Грин.

В Сан-Франциско. А вы?

В Париже: Что будем делать?

Ну, во Франции ведь существует почта, не так ли? Я вам отошлю ваш завтра через Фед Экс.

Очень любезно с вашей стороны... Я сделаю то же самое, как только будет возможно. А какой у вас адрес?

Ресторан «Френч Тач», 1606, Стоктон-стрит, Сан-Франциско, Калифорния.

А вот мой: «Чудесный сад», улица Деламбр, 3-бис, XIV округ.

Вы флорист, не так ли? Если да, то вот вам срочный заказ от некоего Олега Мордорова: 200 алых роз доставить в Театр Шатле для актрисы, которая раздевается в третьем акте. Между нами, я сомневаюсь, что это его жена...

Какое право вы имели слушать мой автоответчик?

Чтобы оказать вам услугу, недотепа!

Я вижу, что вы такой же хам в эсэмэсках, как и на словах! А вы ресторатор, Джонатан?

Да.

В таком случае у вашей забегаловки есть новый заказ: столик на двоих завтра вечером на имя месье и мадам Стржешовски. Короче, это то, что я поняла из их сообщения, но прием был неважный...

Очень хорошо. Спокойной ночи.

В Париже сейчас семь утра...

Джонатан покачал головой от досады и спрятал телефон во внутренний карман своего пиджака. Эта женщина определенно раздражала его.

* * *

Сан-Франциско

21.30

Древняя «Рено 4» ярко-красного цвета сошла с автострады 101 и съехала на дорогу, ведущую к даунтауну. Драндулет тащился, как теленок по Эмбаркадеро, создавая впечатление движения в замедленном темпе. Хотя отопление и работало на полную, окна машины были затуманены испарениями.

– С этой твоей ржавой рухлядью мы вот-вот свалимся в кювет, – проворчал Джонатан, сжавшись на пассажирском кресле.

– Нет, она еще помурлычет, моя крошка, – начал защищаться Маркус. – Если бы ты знал, как я ее обожаю!

Спутанные волосы, густые брови, восемнадцатидневная борода и набухшие веки как у мультяшного пса Друпи: Маркус, казалось, телепортировался из другой эпохи, из доисторических времен, а порой казалось, что и с другой планеты. Плавая в мешковатых штанах и гавайской рубашке, открытой до пупа, его низкорослая фигура, казалось, была специально изогнута, чтобы вписаться в интерьер его автомобиля. Обутый в пару шлепанцев, он управлял машиной одной ногой – пяткой, стоявшей на сцеплении, и пальцами, перемещавшимися с педали газа на педаль тормоза.

– А мне нравится машина дяди Маркуса! – откликнулся Чарли, заерзав на заднем сиденье.

– Спасибо, малыш! – ответил тот, подмигивая мальчику.

– Чарли! Пристегни ремень и прекрати елозить, – приказал Джонатан. Затем, повернувшись к другу, он спросил: – Ты был в ресторане сегодня днем?

– Э-э... Мы же сегодня закрыты, разве нет?

– Но ты хотя бы взял на себя доставку уток?

– Каких еще уток?

– Утиных ножек с рукколой, что поставляет нам Боб Вудмарк по пятницам!

– А! А я-то думал, про что такое я забыл!

– Чертов осел! – рассердился Джонатан. – Как можно было забыть то единственное, что я попросил тебя сделать?

– И чего так все драматизировать... – проворчал Маркус.

– Ах вот как! Пусть Вудмарк и невыносим, но его фирма поставляет нам наши лучшие продукты. Если ты его прокатил, он рассердится и больше не захочет иметь с нами дело. Сделай крюк через ресторан: бьюсь об заклад, что он оставил свой груз на заднем дворе.

– Я смогу посмотреть сам, – уверил его Маркус. – А сначала я отвезу вас до...

– Нет! – перебил его Джонатан. – Ты несчастный бездельник, на которого невозможно положиться, так что я возьму все в свои руки.

– Но малыш же уже никакой!

– Нет, нет! – обрадовался Чарли. – Я хочу поехать в ресторан, я тоже!

– То есть решено, – отрезал Джонатан. – Поверни на Третью улицу, – приказал он, вытирая рукавом конденсат на лобовом стекле.

Но старая «Рено 4» не любила сворачивать со своего маршрута. Ее узких шин не хватало для хорошего сцепления, и внезапное изменение направления движения чуть не спровоцировало аварию.

– Ты же совсем не можешь контролировать это свое безобразие! – взревел Джонатан. – Блин, ты убьешь нас!

– Я делаю, что могу! – заверил его Маркус, выворачивая руль под звуки раздраженных клаксонов.

Лишь поднявшись по Кирни-стрит, драндулет обрел подобие стабильности.

– Ты в таком состоянии потому, что увидел мою сестру? – спросил Маркус после долгого молчания.

– Франческа всего лишь твоя сводная сестра, – поправил его Джонатан.

– Как там она?

Джонатан посмотрел на него с враждебностью.

– Если ты думаешь, что мы болтали...

Маркус знал, что эта тема болезненна для его друга, и не стал настаивать. Он сосредоточился на вождении, и вскоре они достигли Коламбус-авеню, где он припарковал свою «крошку» перед пивной «Френч Тач» на углу Юнион-стрит и Стоктон-стрит.

Как Джонатан и думал, Боб Вудмарк оставил свой груз на заднем дворе ресторана. Двое мужчин тут же подхватили ящики и поместили их в холодильную камеру, а потом пошли проверить, все ли в порядке в главном зале.

«Френч Тач» представлял собой кусок шестиугольника в центре Норт-Бич, итальянского квартала Сан-Франциско. Небольшое, но очень приятное, это место воспроизводило интерьер французского бистро 30-х годов: деревянные панели, лепнина, мозаичные полы, огромные зеркала в стиле «бель эпок», старые афиши Жозефины Бейкер, Мориса Шевалье и Мистенгетт. Заведение предлагало традиционные блюда французской кухни, неприхотливые и лишенные каких-либо претензий. На доске, висевшей на стене, можно было прочесть: «Пирог из улиток с медом, филе утки с апельсинами, торт Тропезьен...»

– А можно мне мороженое, папа? – спросил Чарли, усаживаясь перед оцинкованной стойкой, шедшей вдоль всего зала.

– Нет, дорогой. Ты его уже съел несколько кило в самолете. И потом, уже очень поздно, и тебе давно пора быть в постели.

– Но ведь праздники...

– Ну Джон, будь добряком! – попросил Маркус.

– О нет, еще и ты теперь!

– Но это же Рождество!

– Два мелких зануды! – не смог удержаться от улыбки Джонатан.

Он занял место в углу ресторана, за прилавком открытой кухни, которая позволяла гостям принять участие в приготовлении пищи.

– Что сделало бы тебя счастливым? – спросил он у сына.

– «Белая Дама»! – в восторге закричал малыш.

«Повар» с ловкостью сломал несколько плиток темного шоколада, размельчил их в небольшой миске, которую потом поставил растапливаться в водяной бане.

– А тебя? – спросил он Маркуса.

– Можно было бы открыть бутылочку вина...

– Если хочешь.

Широкая улыбка озарила лицо Маркуса. Он с энтузиазмом направился в свое любимое место: в подвал ресторана.

В это время под жадными взглядами Чарли Джонатан положил в чашку два шарика ванильного мороженого, добавив к нему безе. Как только шоколад расплавился, он добавил в него ложку сливок, потом полил горячим шоколадом мороженое и покрыл все это взбитыми сливками, а сверху еще посыпал поджаренным миндалем.

– Наслаждайтесь! – сказал он, втыкая небольшой бумажный зонтик в купол из крема.

Отец и сын устроились за столом, прижавшись друг к другу на мягком диване. Чарли, с блеском в глазах, вооружился длинной ложкой и начал дегустацию.

– Посмотрите на это чудо! – воскликнул Маркус, возвращаясь из погреба.

– «Screaming Eagle»[3 - Знаменитое и очень дорогое вино из долины Напа.] 1997 года! Ты что, сошел с ума? Эти бутылки у нас только для гостей! – возмутился Джонатан.

– Давай! Это будет мой рождественский подарок, – уговаривал его Маркус.

После чисто формального сопротивления Джонатан все же согласился открыть дорогое вино. В любом случае это было лучше, чем если бы Маркус пошел выпить куда-нибудь в другой ресторан. Так, по крайней мере, можно было за ним следить. В противном случае канадец мог бы начать турне по барам, а когда он находился под воздействием алкоголя, немедленно что-то случалось и стихийные бедствия происходили одно за другим. Бывало, что собутыльники пользовались добротой и доверчивостью Маркуса, чтобы обыграть его в покер и заставить подписать расписки по фантастическим долгам, которые Джонатану потом приходилось как-то урегулировать.

– Полюбуйся цветом этого нектара! – восхитился Маркус, переливая вино в графин.

Маркус, внебрачный ребенок отца Франчески и кантри-певицы из Квебека, после смерти своего отца, богатого нью-йоркского бизнесмена, не получил ни сентима. Его мать умерла недавно, и он продолжал поддерживать отношения с Франческой. Оставшись без гроша в кармане, он жил в полной беззаботности, безразличный к своей внешности, не обращая внимания на правила этикета и законы жизни в обществе. Он спал по двенадцать часов в день, иногда помогая в ресторане. Но жизненные стрессы и график работы, казалось, его совершенно не трогали. Не от мира сего, в равной степени наивный и милый, он был трогательным, хотя последствия его безответственности часто выглядели весьма утомительными для того, кто привык управлять своей повседневной жизнью.

Пока Джонатан находился в браке, он видел в Маркусе лишь придурка, с которым у него не может быть ничего общего. Но когда Франческа от него ушла, ее брат оказался единственным, кто его поддержал. В то время, несмотря на то что у него был Чарли, Джонатан соскользнул в черную дыру депрессии. Праздный и беспомощный, он впал в печаль и стал слишком часто посещать господ Джека Дэниелса и Джонни Уокера[4 - Известные марки виски.].

К счастью, чудесным образом Маркус смог оставить свою лень и первый раз в жизни взял дело в свои руки. Он приметил старый итальянский ресторанчик, который как раз менял собственника, и смог убедить новых покупателей превратить его во французское бистро, доверив печи своему зятю. Эта инициатива позволила Джонатану восстановиться. Но, едва почувствовав, что друг спасен, Маркус вновь погрузился в обычную заторможенность.

– Твое здоровье! – крикнул он, протягивая Джонатану бокал вина.

– То есть это у нас Рождество, наступившее раньше срока, – заключил Джонатан, включая радио в стиле ар-деко, которое он разыскал на блошином рынке в Пасадене.

Он настроил радио на рок-станцию, транслировавшую живую версию песни «Зажги мой огонь».

– Ах! Как хорошо! – воскликнул Маркус, откидываясь на спинку дивана, и было непонятно, говорит он о вине или о музыке группы «Дорз».

Джонатан, в свою очередь, тоже попытался расслабиться. Он расстегнул ворот рубашки и сбросил куртку, но вид лежавшего на столе телефона Маделин раздражал его. «Эта история с мобильниками лишит меня клиентов!» – вздохнул он. Некоторые из постоянных гостей ресторана действительно имели его личный номер: это была привилегия, которая позволяла им рассчитывать на столик даже в вечерние часы пик.

Пока Маркус рассматривал аппарат, Джонатан взглянул на своего сына, который уже спокойно спал. Он хотел бы взять десяток праздничных дней, чтобы провести их с Чарли, но не мог себе этого позволить. Он как раз выбрался из финансовой пропасти, которая почти поглотила его несколько лет назад, и эта история научила его избегать разных кредитов, овердрафтов, неоплаченных штрафов и тому подобного.

Он прикрыл глаза, и к нему явилась Франческа, такая, какой он ее видел в аэропорту. Прошло уже два года, но боль еще жила. Почти невыносимо. Джонатан открыл глаза и сделал глоток вина, чтобы прогнать ее образ. Это была не та жизнь, о которой он мечтал, – это была ее жизнь.

– Эй! Неплохая бабешка! – воскликнул Маркус, и его жирные пальцы заскользили по сенсорному экрану, пролистывая фотографии, находившиеся в памяти мобильного.

Заинтригованный, Джонатан склонил голову к экрану.

– Давай посмотрим.

Среди изображений молодой женщины некоторые выглядели удивительно эротично. Ее позы были увековечены в черно-белом изображении: мелкие кружева, атласные бретельки, рука, робко прикрывающая грудь или касающаяся линии бедра. Впрочем, ничего серьезного в то время, когда многие закатывали себе онлайн-ленты чистого секса...

– Можно посмотреть, папа? – спросил неожиданно проснувшийся Чарли.

– Нет, нет. Спи. Это не для детей.

Удивительно, но, несмотря на свой вздорный и чопорный облик, эта чума из аэропорта продемонстрировала им достаточно шаловливые позы.

Более удивленный, чем возбужденный, Джонатан увеличил лицо модели. Видимо, она забавлялась, добровольно придаваясь игре, но за ее улыбкой можно было заметить некоторый дискомфорт. Без сомнения, такого рода снимки были в кайф ее бойфренду, который на время возомнил себя Хельмутом Ньютоном[5 - Хельмут Ньютон (1920–2004) – фотохудожник, с 1961 года сотрудничавший с французским журналом «Вог» и ставший одним из самых значимых фотографов; он часто работал в жанре «ню»]. Кто стоял за камерой? Ее муж? Любовник? Джонатан видел в аэропорту какого-то мужчину, но сейчас не смог вспомнить, как тот выглядел.

– Ладно, хватит! – сказал он, несмотря на разочарованный взгляд Маркуса.

Вдруг почувствовав себя подсматривающим, он задался вопросом, по какому праву вдруг влез в частную жизнь этой женщины.

– Как будто это помешает ей сделать то же самое! – заметил Маркус.

– Я об этом позаботился: нет никакого риска, что она найдет подобного рода фотографии в моем телефоне! – воскликнул Джонатан, подливая себе вина. – Или ты думаешь, что я уже успел позабавиться, фотографируя Пополь...

Каберне отдавало изысканными красными фруктами и пряниками. Наслаждаясь напитком, Джонатан мысленно перебрал все, что могло находиться в его мобильнике, но так и не вспомнил ничего особенного.

«В любом случае ничего интимного или компрометирующего», – успокоил он себя.

В этом он крупно ошибался.

* * *

Париж

7.30

«Ягуар» последней модели с ребристым капотом двигался в холодной металлической синеве парижской кольцевой дороги. Весь из благородных материалов – белой кожи, орехового дерева и полированного алюминия, – интерьер машины дышал роскошью и безопасным комфортом. На заднем сиденье сумки марки «Монограм» соседствовали с сумкой для гольфа и номером «Фигаро магазин».

– Ты уверена, что хочешь открыть свой магазин сегодня? – снова спросил Рафаэль.

– Дорогой, – воскликнула Маделин, – мы говорили об этом уже несколько раз!

– Но можно было бы продолжить каникулы... – настаивал он. – Я еду до Довилля, мы проводим ночь в Нормандии и завтра обедаем с моими родителями.

– Заманчиво, но... нет. Кроме того, у тебя назначена встреча с клиентом, ты же собирался съездить на стройку.

– Тебе решать, – капитулировал Рафаэль, поворачивая на бульвар Журдана.

Данфер-Рошро, Монпарнас, Распай: автомобиль проехал большую часть XIV округа, а потом остановился у дома 13 по улице Шампань-Премьер, прямо перед темно-зеленой входной дверью.

– Я заеду за тобой сегодня вечером в магазин? – спросил Рафаэль.

– Нет, я приеду к тебе на мотоцикле.

– Но ты же замерзнешь!

– Может быть, но я обожаю свой «Триумф»! – сказала Маделин, целуя его.

Поцелуй длился, пока клаксон торопящегося водителя такси не вернул их жестоко на землю.

Маделин хлопнула дверцей автомобиля и отправила прощальный поцелуй своему любовнику. Она набрала код, чтобы открыть дверь, ведущую во внутренний двор. Там, на первом этаже, находилась квартира, которую она снимала с тех пор, как стала жить в Париже.

– Бррр! Да тут минус пятнадцать! – задрожала она, входя в небольшой дуплекс, типичную студию художника, которые были построены в этом районе в конце XIX века.

Маделин, чиркнув спичкой, зажгла водонагреватель, а потом включила чайник, чтобы приготовить себе чай.

Студия художника уже давно уступила место красивой двухкомнатной квартирке с гостиной, небольшой кухней и спальней в мезонине. Но высокие потолки, большие окна, прорезавшие главную стену, и пол из крашеного дерева еще напоминали об изначальном художественном призвании помещения, внося особый шарм в характер этого места.

Маделин включила канал «ТСФ-джаз», проверила батареи и отхлебнула чаю, переступая с ноги на ногу в ритме со звуками трубы Луи Армстронга, пока в квартире не стало тепло.

Она быстро приняла душ, дрожа вышла из ванной комнаты и достала из шкафа футболку из термолактаила, джинсы и толстый свитер. Готовая идти, она откусила шоколадку «Киндер буэно», одновременно с этим надевая кожаную куртку и повязывая на шею самый теплый шарф.

Было чуть более восьми часов, когда она оседлала свой ярко-желтый мотоцикл. Ее магазин находился совсем близко, но она не хотела возвращаться домой перед встречей с Рафаэлем. С развевающимися на ветру волосами, она пролетела несколько сотен метров по улице, которую так любила. Здесь Рембо и Верлен сочиняли свои стихи, Арагон и Эльза Триоле любили друг друга, а Годар увековечил эту улицу в конце своего первого фильма – в той грустной сцене, когда Жан-Поль Бельмондо падает с пулей в спине прямо на глазах своей американской невесты.

Маделин повернула на бульвар Распай и поехала по улице Делаамбр до «Чудесного сада» – магазина, который она открыла два года назад и который был ее гордостью.

Она подняла железные рольставни с трепетом – еще никогда ее отсутствие не было столь долгим. На время отпуска в Нью-Йорке она доверила бразды правления в магазине Такуми, своему японскому ученику, заканчивавшему обучение в Парижской школе флористики.

Войдя в помещение, Маделин вздохнула с облегчением – Такуми в буквальном смысле сделал все так, как она велела. Он отоварился накануне в Рунжи, и магазин был полон свежими цветами: орхидеями, белыми тюльпанами, лилиями, мимозами, нарциссами, фиалками. Большая елка, которую они наряжали вместе, сияла всеми огнями, а венки из остролиста и омелы свисали с потолка.

Успокоившись, Маделин сбросила куртку, надела фартук, собрала свои инструменты – секатор, лейку, мотыгу – и сосредоточилась на наиболее важных задачах: протерла листья фикуса, пересадила орхидеи и обрезала бонсай.

Она задумывала свой цветочный магазин как некое магическое и поэтическое место, оазис, способствующий размышлениям, убежище от шума и агрессивности большого города. Как бы ни было грустно днем, она хотела, чтобы ее клиенты могли забыть про свои заботы в тот момент, когда переступали порог ее магазина. В канун Рождества атмосфера «Чудесного сада» была особенно очаровательной, возвращала людей к ароматам детства и старым традициям.

После того как «первая помощь» закончилась, Маделин вынесла сосны, чтобы установить их в передней, и открыла свой магазин ровно в девять часов.

Она улыбнулась, увидев первого клиента (среди ее коллег ходила старая примета: если первым окажется мужчина, день будет удачным), но нахмурилась, услышав его просьбу: он хотел доставить букет жене, не оставляя визитной карточки. Это была такая новая модная уловка среди ревнивых мужей – заказать доставку цветов анонимно, а потом наблюдать за реакцией своих жен. Если, когда он вернется домой, она не скажет ему о букете, он убедится, что у нее есть любовник... Клиент оплатил заказ и вышел из магазина, не обратив внимания на состав букета.

Маделин начала работать. Такуми должен был к десяти часам доставить собранный ею букет в банк на улице Булар. И тут послышались звуки песни «Джек-попрыгунчик»[6 - Речь идет о песне Jumpin' Jack Flash группы «Роллинг Стоунз». Известные переводы названия этой песни: «Джек-попрыгунчик», «Ванька-Встанька» и т. д.]. Она нахмурила брови. Знаменитая песня «Роллинг Стоунз» слышалась из кармана ее рюкзака, в котором находился мобильный телефон этого Джонатана, или как его там. Она засомневалась, отвечать или нет, а когда решилась, вызов прекратился. Тишина продержалась минуту, а потом короткие и глухие сигналы начали указывать на то, что имеется пропущенное сообщение.

Маделин пожала плечами. Не будет же она слушать вызов, предназначенный не для нее... У нее есть и другие дела! И потом, ей было совершенно наплевать на этого Джонатана, такого грубого и такого неприятного. Но...

Движимая любопытством, она вдруг нажала на сенсорный экран и приложила телефон к уху. Послышался чей-то нерешительный голос: это явно была американка, говорившая с легким итальянским акцентом. Незнакомка изо всех сил пыталась подавить слезы.

– Джонатан, это я, это Франческа. Перезвони мне, пожалуйста. Нам нужно поговорить, нужно... Я знаю, что я предала тебя, знаю, что ты не понимаешь, почему я все испортила. Вернись, пожалуйста, сделай это ради Чарли, сделай это ради нас. Я люблю тебя... Ты не забудешь, но ты же меня простишь. У нас же только одна жизнь, Джонатан, и мы должны идти вместе и иметь еще детей. Начнем сначала, пусть все будет как прежде. Без тебя это не жизнь...

Голос итальянки захлебнулся в бесконечной грусти, и сообщение прекратилось.

В течение нескольких секунд Маделин стояла неподвижно, потрясенная тем, что услышала, и охваченная чувством вины. По рукам ее пробежали мурашки. Она вздрогнула, потом положила мобильник, еще полный слез, на стол, задавая себе вопрос, что она будет делать.

3. По секрету

У каждого человека есть тайны. Нужно лишь выяснить какие.

Стиг Ларссон

Джонатан переключил передачу, перейдя на третью. Коробка передач издала пронзительный металлический скрежет, как будто автомобиль готов был развалиться на месте. Он потребовал ключи от «Рено 4»: хотя дом и находился близко, было невозможно даже представить, чтобы за руль сел Маркус. Лежа на пассажирском кресле, его друг потягивал вино и орал похабные куплеты из репертуара Жоржа Брассанса:

Лишь о Фернанде вспоминаю,

я кончаю, я кончаю...

– Потише! – приказал Джонатан, бросив взгляд в зеркало заднего вида и убедившись, что его сын еще спит.

– Пардон, – извинился Маркус, повернувшись, чтобы опустить боковое стекло машины. Он высунул голову через окно, подставив лицо ветру, словно ночной воздух мог помочь ему протрезветь.

«Парень совсем покроется инеем...» – подумал Джонатан, замедляя движение и вновь переключая передачу, чтобы машина пошла со скоростью улитки-астматика.

Маленький автомобиль выехал на западную сторону Филберт-стрит, одной из самых крутых улиц в Сан-Франциско. В начале подъема драндулет кашлянул, угрожая развалиться, но в конце концов восстановил дыхание и кое-как достиг вершины холма, освещенного белым светом Койт-Тауэр, мемориальной башни, возвышавшейся над городом. Джонатан произвел опасный маневр, чтобы припарковаться, повернув колеса в сторону тротуара. Испытав облегчение от того, что удалось благополучно добраться до места, он взял сына на руки и двинулся в проход между эвкалиптами, пальмами и бугенвиллеями.

Маркус, шатаясь, последовал за ним. Он снова начал петь свои непристойные песни, причем опять очень громко.

– Дайте выспаться! – крикнул сосед.

Джонатан подхватил друга под руку, чтобы заставить его поторопиться.

– Ты мой единственный настоящий друг, мой единственный реальный при... – бормотал пьяный Маркус, повиснув у него на шее.

Джонатан с трудом поддерживал его, и эти два с половиной мужчины с трудом спустились по деревянным ступенькам, которые шли вдоль Телеграф-Хилл. Винтовая лестница посреди всей этой почти тропической растительности предназначалась для обслуживания небольших разноцветных домов. Нетронутые разрушительным землетрясением 1906 года, эти жилища, первоначально построенные для моряков и докеров, ценились теперь у художников и разбогатевших интеллектуалов.

Наконец все трое подошли к воротам дикого и весьма пышного сада, где сорняки в итоге выжили рододендроны и фуксии.

– Ну, все по своим комнатам! – скомандовал Джонатан тоном главы семьи.

Он раздел Чарли, положил его и поцеловал, поправив одеяло. Затем сделал то же самое с Маркусом, за исключением поцелуя – это было бы слишком...

* * *

Уже в тишине Джонатан прошел на кухню, налил себе стакан воды и с ноутбуком под мышкой вышел на террасу. Несмотря на разницу во времени, он подавил зевоту, помассировал веки и опустился на тиковый стул.

– Что, приятель, не спится?

Джонатан повернулся на голос: это был Борис, тропический попугай, живший в доме. Он и забыл о нем!

Птица принадлежала бывшему владельцу, оригиналу, который включил в договор обязательство для любого покупателя дома заботиться во веки веков о

его любимце. Борису уже было больше шестидесяти лет. На протяжении десятилетий его бывший хозяин ежедневно посвящал час его обучению говорить. Попугай знал тысячу слов и сотни готовых фраз, которые выдавал на удивление кстати.

Будучи флегматиком, он отлично ужился с новыми хозяевами, на радость Чарли. Конечно же, птица была прекрасно знакома и с Маркусом, который обучил ее целой коллекции ругательств капитана Хэддока[7 - Арчибальд Хэддок – персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже (Жорж-Проспер Реми), капитан дальнего плавания, лучший друг главного героя. Капитан обожал использовать в качестве ругательств экзотические слова. В «Словаре брани капитана Хэддока» приведено 192 произнесенных им ругательных выражения, многие из которых Эрже почерпнул, просматривая словари редких слов.]. Но это существо было тем еще шутником, и Джонатан смог лишь в определенной степени оценить его грязный характер и острый язык.

– Не спи-и-ится? – повторила птица.

– Да, представь себе, я слишком устал, чтобы спать.

– Придурок! – отозвался Борис.

Джонатан подошел к величественно сидящему на жердочке попугаю. У Бориса был большой крючковатый клюв и крепкие когти. Несмотря на возраст, его частично золотистые, частично бирюзовые перья сохранили блеск, а черный подшерсток, очерчивавший контуры глаз, придавал ему вид гордый и высокомерный.

Птица покачала длинным хвостом, расправила крылья и потребовала:

– Хочу яблок, слив и бананов...

Джонатан посмотрел на попугая.

– А не хочешь огурцов и цикория?

– Цикорий противный! Хочу орехов и аррраххххиса.

– Вот именно, а я хочу Мисс Вселенную к себе в постель. – Джонатан покачал головой и вошел в электронную почту. Ответил двум своим поставщикам, подтвердил несколько заказов столиков и закурил, глядя на тысячи огней, блестящих в океане. Отсюда вид на залив был просто великолепен. Небоскребы делового квартала стояли перед огромным силуэтом моста Бэй-Бридж, шедшего в сторону Окленда. И тут этот момент полнейшего спокойствия вдруг нарушил необычный звонок телефона: звук скрипки. Если верить не самым глубоким музыкальным знаниям Джонатана, это было начало «Каприза» Паганини.

Телефон Маделин Грин.

Если он захочет спать, надо будет не забыть его выключить: из-за разницы во времени телефонные звонки, скорее всего, могли пойти чаще. Джонатан решил ответить.

– Да?

– Это ты, моя дорогая?

– Э-э...

– Не слишком устала? У вас была хорошая поездка, я надеюсь.

– Отлично. Очень любезно, что вы об этом заботитесь.

– Но вы не Маделин?

– Верно подмечено!

– Это ты, Рафаэль?

– Нет, меня зовут Джонатан, я из Сан-Франциско.

- Джулиана Вуд, очень приятно. А можно поинтересоваться, почему вы отвечаете на телефонные звонки моей лучшей подруги?
- Потому что мы случайно обменялись мобильниками.
- В Сан-Франциско?
- В Нью-Йорке, в аэропорту. Короче, это слишком долго объяснять.
- Ах? Это смешно...
- Да, особенно когда это происходит с другими. То есть вы...
- А как это случилось?
- Ладно, слушайте, уже поздно, и это не очень интересно.
- О нет! Напротив, расскажите мне!
- Вы звоните из Европы?
- Я звоню из Лондона. Я попрошу Маделин все мне рассказать. Какой у вас номер?
- Простите?
- Ваш номер телефона.
- Чтобы я могла позвонить Маделин...
- Но я не дам вам свой номер, я вас не знаю!
- Но ведь у Маделин ваш телефон!

– О, черт! Но у вас же есть другой способ как-то связаться! Вам нужно позвонить Рафаэлю, вот!

«Что за сплетница!» – подумал он, решив закончить разговор.

– Алло, алло, – повторила Джулиана на другом конце света и, поняв, что он отключился, раздраженно подумала: «Вот негодяй!»

* * *

Джонатан решил выключить мобильник, но любопытство вдруг подтолкнуло его еще раз посмотреть на снимки, сохраненные в телефоне. Кроме двух или трех чувственных поз, большинство файлов составляли обычные туристические снимки – настоящий сувенирный альбом приключений романтической пары. Маделин и Рафаэль демонстрировали свою любовь на пьяцца Навона в Риме, в гондоле в Венеции, перед зданиями Гауди в Барселоне, в трамваях Лиссабона и на лыжах в Альпах. Там было много мест, где Джонатан и сам побывал в свое время с Франческой, когда они любили друг друга. Глядя на счастье других, он испытал боль и поэтому лишь быстро пробежал эту галерею.

Тем не менее он продолжил исследование телефона, с интересом просмотрев музыкальную библиотеку Маделин. Он ожидал худшего – сборников эстрадных песенок, попсы и ар-энд-би, но обнаружил всю музыку, которую сам так любил: Тома Уэйтса, Лу Рида, Дэвида Боуи, Боба Дилана, Нила Янга.

Там были меланхолические и богемные композиции, в которых пелось о свободе и о разрушенных судьбах. Там были прекрасные блюзы...

Это было удивительно. Конечно, не ряса делает монахом, но ему было трудно представить себе, чтобы эта навороченная и наштукатуренная молодая женщина из аэропорта могла погружаться в такие миры.

Продолжая свои исследования, он просмотрел названия фильмов, что были загружены у Маделин. Очередной сюрприз: никаких романтических комедий и серий «Секса в большом городе» или «Отчаянных домохозяек». Там были гораздо более спорные «Последнее танго в Париже», «Столкновение», «Пианистка», «Полуночный ковбой» и «Покидая Лас-Вегас».

Джонатан застыл на последнем названии: эта история невозможной любви между безнадежным алкоголиком и проституткой была его любимым фильмом. Впервые он увидел картину, когда находился на вершине профессионального и семейного успеха. Тем не менее долгое падение Николаса Кейджа, топящего в алкоголе все свои проблемы, показалось ему почти знакомым. Это был такой фильм, который берedit ваши раны, будит старых демонов и инстинкты разрушения. Он отсылает вас к вашим самым потайным страхам, к одиночеству, напоминает о том, что никто не застрахован от падения в ад. В зависимости от состояния вашего духа этот фильм может вызывать тошноту или же заставить яснее увидеть самого себя. В любом случае он не оставит равнодушным.

Безусловно, у Маделин Грин были весьма неожиданные вкусы.

Недоумение Джонатана стало больше, когда он пробежался по ее электронной почте и эсэмэскам. Помимо чисто профессиональных сообщений, по большей части Маделин переписывалась с Рафаэлем – ее спутником, очевидно очень влюбленным в нее и заботливым, а также с Джулианой, болтушкой и сплетницей, но при этом преданной и лучшей подругой, к тому же отличающейся остроумием. Десятки сообщений от одного парижского предпринимателя позволяли догадаться о предстоящем переезде в Сен-Жермен-ан-Ле, где Маделин и Рафаэль с большой любовью выбрали себе дом, чтобы свить в нем свое первое гнездышко. Судя по всему, пара была на седьмом небе от счастья, разве что...

Продолжая то, что можно было бы назвать поиском, Джонатан наткнулся на электронный ежедневник Маделин и нашел там отметки о регулярных встречах с неким Эстебаном. Он тут же представил себе такого аргентинского плейбоя, любовника молодой англичанки. Дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, с 18 до 19 часов Маделин ездила на встречи со своим южноамериканским казановой! Любезный Рафаэль, а был ли он в курсе подобных проделок своей невесты? Нет, конечно. Джонатан в свое время пережил подобную незадачу, когда ему довелось узнать об измене Франчески как раз в тот момент, когда он был уверен, что его брак находится в полной безопасности от любых торнадо.

«Все они такие...» – разочарованно подумал он.

На фотографиях Рафаэль выглядел немного пресным – в свитере, накинутом на плечи, в голубой рубашке он походил на идеального сына. Но в этом столкновении с разрушителем семейного счастья, каковым, без сомнения, был этот Эстебан, Джонатан не мог не почувствовать к Рафаэлю симпатии – давала о себе знать солидарность обманутых мужей.

* * *

Среди прочих встреч постоянно возникал термин «гинеко»: доктор Сильвия Андрие, с которой Маделин шесть месяцев консультировалась по поводу проблемы бесплодия. По крайней мере, это можно было предположить по письмам, отправленным из медицинской лаборатории, которые Маделин перевела в резервные копии.

Перед экраном ее мобильного Джонатан чувствовал себя немного подглядывающим, и ему было от этого не по себе, но что-то в этой женщине начало притягивать его.

В последние недели Маделин прошла ряд наиболее распространенных тестов для выявления возможного бесплодия: температурные кривые, отбор проб, ультразвуковые и радиографические исследования. Джонатан имел об этом представление: они с Франческой в свое время столкнулись с аналогичными проблемами и прошли тем же маршрутом до рождения Чарли.

Он потратил время и ознакомился с результатами более тщательно. Как ему удалось понять, они были скорее хорошими. У Маделин были регулярные циклы, обнадеживающие гормональные анализы и овуляция, не нуждавшаяся в стимулировании. Даже ее дорогой и нежный сдал свое семя на анализ и с облегчением констатировал, что его сперма достаточно обильна и мобильна, чтобы позволить иметь потомство.

Для полноты картины не хватало только одного анализа, так называемого теста Гюнтера. Просматривая электронный ежедневник, Джонатан увидел, что за последние три месяца его дата несколько раз переносилась.

Странно...

Он хорошо помнил свое душевное состояние в то время, когда сам проходил с Франческой этот тест, который позволяет проверить совместимость пары. У него имеются некоторые ограничения – анализ следует проводить в течение двух дней перед овуляцией и менее чем через двенадцать часов после незащищенного полового акта. При этом как только вы принимаете решение подвергнуть себя этому анализу, у вас остается только одно желание: чтобы все закончилось как можно быстрее, чтобы быть уверенным.

Почему же Маделин три раза переносила даты тестирования?

Он ломал себе голову, понимая, что не сможет найти ответ на этот вопрос. В конце концов, переносить встречи мог гинеколог или Рафаэль.

– Иди спать, Коко! – призвал его Борис.

На этот раз птица была права. Во что это он играл, в два часа ночи отчаянно роясь в мобильном телефоне женщины, с которой случайно пересекся всего на две минуты?

* * *

Джонатан встал со стула, решив идти спать, но телефон продолжал давить на него своей притягательной силой. Не будучи в состоянии его отложить, он подключил его к вай-фай и снова обратился к коллекции фотографий. И он вновь пробежал по позам Маделин, пока не нашел то, что хотел найти. Он пустил фотографию на распечатку.

Принтер покряхтел, а потом выдал ему картинку, изображающую типичный американский портрет молодой женщины у Большого канала в Венеции. Джонатан постарался как бы войти в изображение и проследить за взглядом Маделин.

В выражении ее лица читалась какая-то тайна. За светом и улыбкой он почувствовал некую трещину, что-то такое безвозвратно сломанное, словно фотография несла в себе подсознательное сообщение, которое он никак не мог расшифровать.

Джонатан вернулся на террасу. Загипнотизированный этим телефоном, он решил просмотреть различные приложения, загруженные Маделин, – выпуски новостей, планы парижского метро, информацию о погоде...

– В чем твой секрет, Маделин Грин? – прошептал он, касаясь экрана.

– Маделин Гри-и-и-ин, – громко повторил попугай.

В доме напротив зажегся свет.

– Хотелось бы поспать! – выругался сосед.

Джонатан открыл было рот, чтобы отругать Бориса, но тут одна программа привлекла его внимание: женский календарь, в котором Маделин записывала большую часть своей интимной жизни. Организованное как ежедневник, это приложение хранило в памяти дни ее месячных, напоминало о днях овуляции, уточняло дни, когда можно было забеременеть, и рассчитывало среднюю продолжительность менструального цикла. А еще этот «журнал» следил за динамикой веса, температуры и настроения, а специальные иконки в форме сердечек позволяли пользователю определить дни, когда у хозяйки телефона был секс.

Джонатан изучил расположение сердечек на календаре, и очевидность буквально бросилась ему в глаза: Маделин утверждала, что хочет ребенка, но позаботилась о том, чтобы не заниматься любовью в свои фертильные периоды...

4. Разница во времени

Сердце женщины представляет собой лабиринт тонкостей, бросающий вызов грубой натуре мужчины-охотника. Если вы действительно хотите обладать женщиной, надо начать думать, как она, и первое, что нужно сделать, – это завоевать ее душу.

Карлос Руис Сафон

А в это время в Париже...

– Такуми, окажи мне услугу.

Настенные часы в магазине пробили 11 часов. Стоя на приставной лестнице, с заколотыми волосами и расцарапанными руками, Маделин заканчивала составление огромного букета из остролиста.

– Конечно, мадам, – ответил молодой ученик.

– Прекрати называть меня мадам! – раздраженно одернула его Маделин, спускаясь на несколько ступенек.

– Хорошо, Маделин, – покраснев, согласился Такуми.

Называть свою начальницу по имени означало перейти границу близости, и он чувствовал себя неудобно.

– Мне хотелось бы, чтобы ты отправил посылку, – объяснила Маделин, протягивая ему небольшой пакет, в котором находился телефон Джонатана.

– Конечно, мада... то есть Маделин.

– Вот адрес в Соединенных Штатах, – уточнила она, протягивая ему бумажку в 20 евро.

Такуми посмотрел на адрес:

Джонатан Лемперер

«Френч Тач»

1606 Стоктон-стрит

Сан-Франциско 94133

США

– Джонатан Лемперер... Это шеф-повар? – спросил Такуми, садясь на электромопед, на котором он доставлял заказы.

– Ты его знаешь? – поинтересовалась Маделин, выйдя вместе с ним на тротуар.

– Все его знают, – ответил ее ученик, не понимая своей оплошности.

– Это значит, что я королева дур?

– Нет, э-э... Не так, я... – забормотал он.

Теперь Такуми стал совсем пунцовым. Маленькие капли пота выступили у него на лбу, а взгляд уткнулся в землю.

– Ладно, сделаешь себе харакири как-нибудь в другой раз, – ободрила его Маделин. – А пока скажи мне, кто этот тип.

Японец сглотнул слюну.

– Несколько лет назад Джонатан Лемперер держал лучший ресторан во всем Нью-Йорке. Родители пригласили меня туда, чтобы отпраздновать мой университетский диплом. Это было легендарное место: нужно было год стоять в листе ожидания, и там были такие оригинальные ароматы, какие не встречались нигде в мире.

– Я не думаю, что речь идет о том же человеке, – сказала Маделин, указывая на конверт. – Адрес, что он дал мне, это – ресторан, но больше похожий на таверну, чем на что-то пятизвездочное.

Такуми положил пакет в свой рюкзак и пнул педаль, не стремясь узнать больше.

– Пока. – Маделин слегка махнула рукой ему вслед и вернулась в магазин.

Слова ученика возбудили ее любопытство, но она попыталась возобновить работу, как будто ничего не случилось. С момента открытия магазин не пустовал. Как и День святого Валентина, Рождество пробуждало в людях эмоции: любовь, ненависть, одиночество, тоску. Только сегодня утром она увидела в своем магазине целую вереницу персонажей, один оригинальнее другого: один старый соблазнитель отправил двенадцать букетов двенадцати кокеткам из двенадцати разных городов; женщина средних лет отправила букет орхидей сама себе, чтобы утереть нос коллегам в офисе; молодая американка явилась вся в слезах, чтобы отправить своему парижскому любовнику букет из завядших цветов, что должно было означать их окончательный разрыв. Что же касается местного булочника, то он заказал в качестве подарка для своей любимой мачехи огромный мексиканский кактус с длинными и острыми шипами...

Маделин унаследовала страсть к цветочному искусству от отца. Сначала, руководствуясь исключительно энтузиазмом, она занималась самообразованием, а затем поступила на курс Пивердьер в престижной школе флористов в Анже. Она гордилась тем, что помогает людям отмечать крупные события в жизни: рождение, крещение, первое свидание, свадьбу, примирение, продвижение по службе, выход на пенсию, похороны. Цветы сопровождали людей от колыбели до самой могилы.

Она принялась за составление нового букета, но через пять минут оставила это занятие. Ей никак не удавалось выбросить из головы то, что рассказал Такуми.

Маделин прошла за прилавок и, включив компьютер, ввела слова «Джонатан Лемперер» в Гугле и получила более 600 тысяч упоминаний! Тогда она вошла в Википедию. Электронная энциклопедия содержала массу информации о шеф-поваре. Была там и фотография – без всякого сомнения, на ней был изображен тот самый человек, которого она встретила накануне в аэропорту, хотя на фотографии Джонатан выглядел чуть моложе и сексуальнее. Озадаченная, Маделин надела тонкие очки и, покусывая кончик карандаша, приступила к чтению информации на экране.

Джонатан Лемперер родился 4 сентября 1970 года, шеф-повар и французский бизнесмен, который провел большую часть своей карьеры в Соединенных Штатах.

Обучение

Гасконец по происхождению, он вышел из семьи скромных рестораторов и очень молодым начал работать в «Перстне с печаткой», ресторане своего отца, на площади Освобождения в Оше. С шестнадцати лет он поступил учеником и поменял несколько специальностей: служащий при кухне у Дюкасса, Робюшона и Ленотра, а потом стал помощником знаменитого провансальского шеф-повара Жака Лару в стенах «Ля Бастид» в Сен-Поль-де-Вансе.

Развитие

Самоубийство наставника продвинуло Лемперера во главу «Ля Бастид». Несмотря на все трудности, он умудрился удержать уровень заведения, став в двадцать пять лет самым молодым французским шеф-поваром во главе трехзвездочного предприятия, по гиду Мишлен[8 - Красный гид Мишлен – наиболее известный и влиятельный из ресторанных рейтингов на данный момент. Гид выпускается с 1900 года и имеет трехзвездную систему оценки ресторанов. Одна звезда означает – очень хороший ресторан в своей категории, две звезды – отличная кухня, ради ресторана имеет смысл сделать отступление от маршрута, три звезды – великолепная работа шеф-повара, имеет смысл предпринять отдельное путешествие сюда.]. Престижный «Отель дю Капд'Антиб» затем воспользовался его услугами, чтобы возродить свой ресторан «Ля Траттория». Менее чем через год после открытия заведение тоже получило три звезды, что сделало Джонатана Лемперера одним из четырех шеф-поваров, собравших шесть звезд в знаменитом справочнике.

Признание

В 2001 году он повстречал Франческу, дочь американского бизнесмена Фрэнка ДеЛилло, приехавшую в «Отель дю Кап» на свой медовый месяц с банкиром Марком Чедвиком. Франческа и Джонатан полюбили друг друга, и она развелась менее чем через неделю после свадьбы, поссорившись со своей семьей, в то время как руководство отеля, желая сохранить свою репутацию, уволило шеф-повара.

Пара уехала в Нью-Йорк, где они и поженились. С помощью своей жены Джонатан Лемперер открыл свой собственный ресторан «Император», который находился на вершине Рокфеллер-центра.

Для Лемперера это стало началом особенно творческого периода. Экспериментируя с новыми технологиями, сохраняя при этом вкус блюд традиционной средиземноморской кухни, он стал одним из гуру «молекулярной гастрономии». Его успех был мгновенным. Через несколько месяцев он стал любимцем всех знаменитостей, политиков и кулинарных критиков. В тридцать пять лет был избран лучшим поваром в мире, по версии международного жюри, составленного из четырехсот обозревателей, которые отметили его «яркую кухню» и способность предложить гостям «необыкновенное по вкусу путешествие». В то время ресторан получал каждый год десятки тысяч заказов со всего мира, и очень часто приходилось ждать больше года, чтобы получить свободный столик.

Икона средств массовой информации

Помимо карьеры в качестве шеф-повара, Джонатан Лемперер прославился многочисленными выступлениями на телевидении, в том числе в программах «Час с Джонатаном» на Би-би-си-Америка и «Секреты шеф-повара» на Фокс, которые собирали каждую неделю миллионы телезрителей, а потом расходились в виде книг и на дивиди.

В 2006 году, при поддержке Хиллари Клинтон, сенатора от штата Нью-Йорк, Лемперер начал крестовый поход против меню нью-йоркских столовых. Его встречи с учащимися, родителями и учителями в конечном итоге привели к принятию в учебных заведениях более сбалансированных меню.

Со своей очаровательной улыбкой, в кожаной куртке и с неотразимым французским акцентом, молодой шеф-повар зарекомендовал себя как икона современной кухни и вошел в список самых влиятельных людей, по версии журнала «Тайм». Еженедельник даже дал ему по этому поводу прозвище «Том Круз кухонных печей».

– Вы продаете эти украшения?

– Простите?

Маделин подняла глаза от экрана. Поглощенная жизнью Лемперера, она и не заметила, что в магазин вошел клиент.

– Украшения, вы продаете их? – повторила женщина, указывая на деревянные полки пастельных тонов, где стояли всякие аксессуары: древние термометры, старые часы с кукушкой, клетки для птиц, треснутые зеркала, ветрозащитные лампы и ароматические свечи.

– Э-э... Нет, извините, они являются частью интерьера, – солгала Маделин, желая поскорее вернуться обратно к биографии Джонатана.

Бизнесмен: создание группы «Император»

Лемперер совместно с женой создал группу «Император», предназначенную развивать бренд. Пара стала открывать предприятие за предприятием: быстро, пивные, винные бары, роскошные отели... Их империя простиралась по всему миру – от Лас-Вегаса до Майами, проходя через Пекин, Лондон и Дубай. В 2008 года группа «Император» насчитывала более 2 тысяч сотрудников в более чем 15 странах мира и давала оборот в десятки миллионов долларов.

Финансовые трудности и уход из мира гастрономии

Пока клиенты продолжали осаждать его нью-йоркский ресторан, французский шеф-повар начал подвергаться все более и более жестоким атакам. Те же критики, которые несколько лет назад высоко оценивали его творчество и талант, теперь вдруг стали упрекать его в том, что он распыляется и становится «просто машиной для зарабатывания денег».

А тем временем многие виды деятельности концерна еще были далеки от достижения порога своей рентабельности. Группа «Император» начала тонуть в долгах и к декабрю 2009 года оказалась на грани банкротства. Несколько недель спустя, после расставания со своей женой, Джонатан Лемперер выбросил белый флаг, объявив себя «уставшим от критики», «лишенным вдохновения» и «разочаровавшимся в мире гастрономии». В возрасте тридцати девяти лет он

был вынужден сдать лицензию на эксплуатацию своего имени и окончательно отошел от дел, оставив после себя заметный след в области современной кухни.

В конце статьи говорилось, что в 2005 году Лемперер издал книгу под названием «Признания влюбленного повара». Два-три клика – и она оказалась на сайте пивной «Френч Тач», которую в настоящее время Джонатан держал в Сан-Франциско. Сайт явно давно не обновлялся. Там значились некоторые примеры меню за 24 доллара: луковый суп, черный пудинг с яблоками, пирог с инжиром. Ничего особенного для того, кто несколько лет назад стоял во главе лучшей в мире кухни.

«Как такое могло произойти?» – спросила себя Маделин, прогуливаясь среди сосновых деревьев и орхидей. Она прошла в глубину магазина, устроенного как сад, и присела на качели, свисающие с огромной ветки, прикрепленной к потолку.

Звук магазинного телефона вернул ее к действительности.

Она вскочила с места и взяла трубку. Это был Такуми.

– Ты еще на почте?

– Нет, мада... то есть Маделин. Из-за забастовки тут все закрыто.

– Ладно, прежде чем вернуться, сделай крюк через книжный магазин и купи мне книгу. Тебе есть чем записать? Вот ее название: «Признания влюбленного повара»...

5. You've got mail[9 - У вас имеется сообщение (англ.).]

Желание узнать кого-то полностью есть способ узурпировать, эксплуатировать его. Это постыдное желание, от которого следует отказаться.

Джойс Кэрол Оутс

Сан-Франциско, середина ночи

Джонатан резким ударом включил неоновый свет над зеркалом в ванной. Он не мог спать из-за нервозности и изжоги, которые не прекращали мучить его с того момента, как он выпил этого проклятого вина. Окруженный ореолом бледного света, он порылся в аптечке, пытаясь найти успокоительное и что-нибудь от гастрита. Достав две таблетки, он пошел на кухню, чтобы запить их минеральной водой.

В доме было тихо. Маркус, Чарли и даже Борис уже давно пребывали в объятиях Морфея. Створки окна остались приоткрытыми, но было не холодно. Поднялся теплый ветер, заставив мягко зазвучать бамбуковые шторы, и лунный свет упал сквозь стекло на экран телефона, который он поставил на зарядку. Джонатан не мог с собой ничего поделаться: одним нажатием на кнопку он активировал устройство, которое мгновенно загорелось яркими кристаллами. Маленькая красная точка свидетельствовала о том, что Маделин получила сообщение. Что-то вроде шестого чувства заставило его нажать на соответствующий значок, чтобы прочитать сообщение. Оно было послано десять минут назад и, как бы странно это ни выглядело, было послано ему...

* * *

Дорогой Джонатан (избавим себя с самого начала от месье Лемперера и мадемуазель Грин, не так ли?)! В конце концов, я думаю, что если у вас хватило наглости прочитать мое сообщение, вы также должны были взглянуть на мои фотографии и даже полюбоваться двумя-тремя «художественными» снимками из моего альбома. Значит, вы извращенец и это ваша проблема, но избавьте меня хотя бы от выкладывания их в Фейсбуке, потому что я не уверена, что мой будущий муж будет вам за это признателен...

Дорогой Джонатан (бис), пользуюсь своим обеденным перерывом (да-да, в Париже уже за полдень), чтобы написать вам, наслаждаясь сэндвичем с мелко рубленой свиной, заботливо приготовленным фирмой «Пьер энд Поль», видным членом «Братства рыцарей рубленой свиной из Сарта», а также пекарней, что находится прямо передо мной. Я расположилась на солнышке, прямо за их дегустационной стойкой. Так что мой рот набит колбасными

изделиями, хлебные крошки рассыпаны по всему свитеру, а жирные пятна украшают экран вашего прекрасного телефона: это не очень гламурно, согласна, но зато так вкусно. Наконец, не мне рассказывать вам о наслаждениях прелестями хорошей еды...

Итак, дорогой Джонатан, я отправляю вам это маленькое сообщение, чтобы сообщить две новости: одну хорошую, а другую плохую. Начнем с плохой: как вы знаете, в начале школьных каникул забастовка парализует прекрасную страну, каковой является Франция. Аэропорты, автострады, общественный транспорт, почты – все заблокировано. Такуми, мой юный ученик, обнаружил закрытую дверь в почтовое отделение на бульваре Монпарнас, и я сейчас не могу отправить вам ваш телефон.

С уважением,

Маделин.

Реакция Джонатана не заставила себя долго ждать. Через двенадцать минут последовал его ответ:

Вы что, шутите? Что за забастовка?

Если она не собиралась отправлять ему его мобильник, не может быть и речи о том, чтобы он вернул ее!

Маделин ответила тридцать секунд спустя:

Еще не спите в это время, Джонатан? Вы вообще никогда не спите? Не из-за этого ли недостатка сна происходит та смесь раздражительности и плохого настроения, что, похоже, характеризует вас?

Джонатан вздохнул и передал новое сообщение:

Кстати, а вы обещали мне хорошие новости, чтобы компенсировать плохие...

Сидя на табурете, Маделин проглотила последний кусочек своего сэндвича, а потом ответила:

Точно, вот хорошая новость: несмотря на холод и забастовки, в Париже очень красиво.

Едва послав это сообщение, она стала ждать ответ, и он быстро пришел.

Вот теперь уже нет никаких сомнений: вы смеетесь надо мной.

Маделин не могла сдержать улыбку, несмотря на его озабоченность. Помешав возвращению телефона к его владельцу, эта забастовка общественных служб возложила на нее груз ответственности, а это ей было совсем не нужно. Должна ли она была рассказать Джонатану о сообщении, оставленном его бывшей женой, которая взывала к нему из Нью-Йорка, умоляя вернуться и жить с ней? Маделин невольно стала владелицей жизненно важной информации для этой пары, и это ей не нравилось.

Она заказала второй бокал вина и выпила его, наблюдая через стекло за движением пешеходов и автомобилей. Находясь близко от многих крупных торговых точек, улица Деламбр в этот последний уик-энд рождественских покупок была сильно оживлена. На тротуарах, освещенных лучами солнца, дутые пальто парижан, куртки подростков, детские шапочки, пестрые шарфы, стук каблуков и идущий изо ртов пар – все смешалось в опьяняющем движении цветов и лиц.

Маделин допила свой бокал вина и, будучи немного навеселе, взялась за перо (если можно так выразиться), чтобы написать еще одно сообщение:

Дорогой Джонатан!

Сейчас 13 часов. Мой обеденный перерыв подходит к концу, и тем лучше, потому что, если я останусь на минуту дольше в этом заведении, то почувствую, что хочу проглотить и их торт татен с яблоками, шариком мороженого и всем прочим. Это настоящий убийца, как говорят у вас, но искушение за неделю до Рождества, согласитесь, не может быть разумным.

Было очень приятно побеседовать, хотя и кратко, с вами, несмотря на ваше плохое настроение, а также сварливость, угрюмость и мрачность, которые, как я понимаю, стали чем-то вроде вашего бренда, что вряд ли кому-то покажется привлекательным. В заключение позвольте мне все же удовлетворить свое любопытство, задав вам три вопроса:

1) Почему так называемый лучший повар в мире сегодня подает стейки в простом районном бистро?

2) Почему вы все еще не спите в 4 часа утра?

3) Любите ли вы еще свою бывшую жену?

* * *

Едва Маделин коснулась кнопки «ОТПРАВИТЬ», как поняла, что совершила глупость. Но слишком поздно...

Она вышла из «Пьер энд Поль» и, все еще немного пьяная, попыталась перейти улицу.

– Эй! Смотри, куда ты идешь, растяпа! – с ненавистью крикнул ей какой-то тип, который чуть не задавил ее своим мопедом.

Чтобы избежать наезда, Маделин резко отпрянула на шаг, но тут же была «накрыта» клаксоном джипа, пытавшегося объехать мопед справа. Она испугалась и едва увернулась от внедорожника, пробежав к противоположному тротуару, сломав при этом каблук сапога.

«Вот дерьмо!» – прошептала она, открывая дверь магазина, чтобы укрыться в своем «Чудесном саду». Она обожала Париж, но ненавидела парижан...

– Все в порядке, мадам? – спросил Такуми, видя, что она в шоке.

– Что-то тебя долго не было! – упрекнула его она, желая сохранить самообладание.

– Пардон. Все хорошо, Маделин?

– Да, просто этот проклятый каблук...

Она оставила фразу незавершенной и слегка смочила лицо водой, прежде чем под взглядом своего сотрудника, похожим на взгляд жареного мерлана, снять обувь и куртку.

– Бесполезно сверлить меня таким похотливым взглядом, дальнейшего стриптиза не последует, – язвительно заметила она.

Увидев, что Такуми покраснел, как пион, Маделин пожалела о своей вспышке и решила не смущать больше своего ученика.

– Ты можешь идти на обед. Не торопись, я обо всем позабочусь.

Оставшись одна в магазине, она с волнением достала телефон Джонатана. От него уже был ответ:

Дорогая Маделин!

Если это может удовлетворить ваше любопытство, вот ответы на ваши вопросы:

1) «Лучшим поваром в мире» я был очень давно. Давайте предположим, что я, как писатель, потерял вдохновение и страсть, необходимые для инновационных творений. Тем не менее, если вы с вашим Рафаэлем будете в Сан-Франциско, не упустите возможности зайти и насладиться стейком в нашем ресторане. Наши ребрышки удивительно нежны и вкусны, что же касается нашего жаркого, то это на самом деле жареный картофель с чесноком, базиликом и петрушкой. «Красотки из Фонтенуа» выращиваются в небольших количествах одним местным производителем, и все наши клиенты находят их особенно тающими во рту и достаточно прожаренными.

2) Это правда, сейчас 4 часа утра, и я все еще не сплю. В чем причина? Два вопроса, что застряли у меня в голове, мешают мне спать.

3) А не пойти бы вам...

Одесская улица. Такуми вошел в небольшой ресторан, где он любил бывать. поприветствовав хозяина, он устроился немного позади, во втором зале, где было тише и меньше народа, и заказал себе слоеный пирог из томатов и козьего сыра: это было местное блюдо, которое для него открыла Маделин. Ожидая, он взял свою сумку и достал оттуда карманный словарь, чтобы посмотреть слово «похотливый», а найдя его, еще больше засмутился. Словно пойманный на месте преступления, он вдруг подумал, что все клиенты сверлят его обвиняющими взглядами. Маделин находила удовольствие в том, чтобы провоцировать его, сбивая с убеждений и установок. Ему было досадно, что она не относится к нему серьезно и рассматривает его скорее как подростка, чем как мужчину. Эта женщина очаровывала его, словно какой-то загадочный цветок. Чаще всего она была «большим солнцем», то есть блондинкой, словно подсолнух, распространяя вокруг себя свет, уверенность и энтузиазм. Но в некоторые моменты она могла становиться таинственной и темной, словно черная орхидея: это был редкий цветок, который всегда искали коллекционеры, и он расцветал посреди зимы под пальмами Мадагаскара.

* * *

Клиент вошел в неподходящее время. Чтобы его обслужить, Маделин пришлось перестать писать сообщение и спрятать мобильник в карман фартука. Это был подросток, от пятнадцати до семнадцати лет, на вид беби-рокер, каких много в

выпускных классах лицеев приличных кварталов: узкие джинсы, белая рубашка, дутовая куртка известной марки, тщательно растрепанные волосы.

– Могу ли я вам чем-то помочь?

– Я... э-э... Да, я хотел бы купить цветы, – объяснил он, положив футляр своей гитары на стул.

– Хорошо. Если бы вы хотели купить круассаны, это доставило бы мне больше проблем.

– Че?

– Ничего, забудем об этом. Большой круглый букет или большие цветы?

– Ну, я не знаю на самом деле.

– Пастельных тонов или яркий?

– Че? – повторил подросток, как если бы она говорила на китайском.

«Определенно, не самый смысленный представитель своего поколения», – подумала Маделин, пытаясь сохранить спокойствие и улыбку.

– Ну, у вас есть представление о сумме, которую вы могли бы потратить на покупку?

– Не-а. Но это могло бы быть че-то в районе трехсот евро?

На этот раз она не смогла сдержать вздоха: люди, которые не имели ни малейшего понятия о стоимости денег, были ей отвратительны. В доли секунды всплыли на поверхность несколько воспоминаний о ее детстве: годы безработицы отца, жертвы ее семьи ради того, чтобы она смогла учиться... И как только могла существовать такая пропасть между этим ребенком, родившимся с серебряной ложкой во рту, и девчонкой, какой была она?

– Эй, слушай сюда, пацан, те не нада триста евро, чтоб купить букет. В любом случае не в моем магазине, понял?

– Да, – ответил он тихо.

– А эти цветы, для кого они?

– Для женщины.

Маделин подняла глаза к небу.

– Для твоей матери или для подружки?

– На самом деле для подружки моей матери, – сказал он немного смущенно.

– Ну, и какое сообщение ты хотел бы передать, даря этот букет?

– Сообщение?

– Ты даришь цветы – с какой целью? В благодарность за то, что она подарила тебе свитер на день рождения, или чтобы сказать что-то еще?

– Э-э... скорее последнее.

– Блин, это любовь делает тебя таким притырком или ты всегда такой? – не выдержала Маделин.

Подросток не счел нужным отвечать. Маделин отошла от прилавка и начала составлять букет.

– Как тебя зовут?

– Жереми.

– А подружка твоей матери, она какого возраста?

– Э-э... старше, чем вы, в любом случае.

– А сколько мне, по-твоему?

Опять же он предпочел не отвечать, что доказывало, что он был, пожалуй, не таким уж и кретином, как выглядел.

– Хорошо, ты этого не заслуживаешь, но вот лучшее из того, что у меня есть. – Она протянула ему букет. – Это мои любимые цветы: тулузские фиалки. Одновременно и просто, и шикарно, и элегантно.

– Это очень красиво, – признал он. – Но на языке цветов что это значит?

Маделин пожала плечами.

– На фиг этот язык цветов. Дари то, что ты находишь красивым, вот и все.

– Но все-таки, – настаивал на своем Жереми.

Маделин сделала вид, что размышляет.

– В том, что ты называешь «языком цветов», фиалка олицетворяет скромность и застенчивость, но она также символизирует и тайную любовь, так что если ты боишься, что это может показаться каким-то неоднозначным, я могу вместо этого составить букет из роз.

– Нет, фиалки мне очень даже подходят, – ответил он, одарив ее широкой улыбкой.

Он оплатил покупку и при выходе из магазина поблагодарил Маделин за ее советы.

Наконец-то оставшись одна, она достала телефон и поспешила закончить свое послание:

Джонатан, тысячу раз прошу прощения за такое неловкое вторжение в вашу частную жизнь. Один лишний стаканчик вина заставил меня написать быстрее, чем следовало бы. Это было белое вувре с ароматом меда, розы и абрикоса. Вы, наверное, такое знаете, а если это так, то вы простите меня:-)

Я надеюсь, что почтовая забастовка не продлится вечно, но, чтобы не рисковать, я собираюсь воспользоваться услугами частного перевозчика. Я связалась с курьером, и он приедет забрать телефон в конце дня. Даже считая выходные и праздничные дни, я уверена, что вы получите посылку до среды.

Позвольте мне пожелать веселого Рождества вам и вашему сыну.

Маделин.

PS: Я любопытна, извините. Вы написали мне в своем последнем сообщении, что если вы все еще не спите посреди ночи, то это потому, что два вопроса застряли у вас в голове и они мешают вам спать. Будет ли нескромным спросить вас, что это за вопросы?

* * *

Дорогая Маделин!

Хотите знать, что за загадки мешают мне спать? Вот они:

1) Интересно, кто такой ЭСТЕБАН.

2) Я удивляюсь, почему вы делаете вид, что хотите иметь ребенка, и в то же самое время принимаете все меры предосторожности, чтобы НЕ ИМЕТЬ его...

* * *

Потрясенная, Маделин выключила телефон и отошла от него, словно стремясь избежать опасности.

Он знал! Эстебан, ребенок... Этот тип копался в ее мобильнике и догадался обо всем!

Капля пота скользнула по ее спине. Она услышала стук сердца в груди. Руки ее тряслись, она почувствовала дрожь в ногах.

Как это было возможно? Ее ежедневник и ее электронная почта, конечно же...

В животе вдруг образовалась пустота, и Маделин пришлось приложить усилия, чтобы не потерять равновесие. Нужно было срочно успокоиться: со всем этим в одиночку Джонатан Лемперер не мог добраться до сути. Пока он не наложил руку на что-то другое, это не представляло реальной угрозы.

Но в недрах ее телефона содержался один документ, на который он не должен был наткнуться. То, чем сама Маделин не имела права обладать. То, что уже уничтожило ее жизнь и привело ее к вратам безумия и смерти.

Теоретически, тайна была хорошо защищена. Лемперер был грязным пронырой, но не асом в информатике и не профессиональным шантажистом. Он играл с ней, веселился за ее счет, но если она не станет скандалить, ему просто надоест.

По крайней мере, на это она надеялась.

6. Нить

Потому что (они) были соединены нитью [...], которая могла существовать лишь между двумя особями их типа, между двумя людьми, которые узнали свое одиночество в одиночестве другого.

Паоло Джорадано

Сан-Франциско

Маркус проснулся с трудом. Как лунатик, он прошел в ванную, стал под душ, не снимая пижамы, и стоял под струей до тех пор, пока бак водонагревателя не опустел. Ледяная вода заставила его открыть один глаз, а потом, быстро вытершись, он поплелся в свою комнату и обнаружил, что его ящик для нижнего белья пуст. Все трусы и футболки были свалены в плетеную корзину. Маркус вопросительно поднял бровь. Джонатан, столько раз угрожавший прекратить стирать его одежду, на сей раз свою угрозу осуществил!

– Джон! – позвал он, прежде чем понял, что сегодня суббота и в это время его друг, наверное, уже уехал на фермерский рынок в Эмбаркадеро, куда он наведывался каждую неделю.

Тогда он залез в гору грязной одежды и вытянул оттуда первое из «многоразового», что попало.

Затем Маркус поплелся на кухню и на ощупь нашел термос, который Джонатан готовил каждое утро, опустился на стул и отхлебнул большой глоток черного чая. Напиток словно разогнал его нейроны, и к нему внезапно пришло озарение: он быстро разделся и постирал свое нижнее белье в раковине при помощи жидкости для мытья посуды, после чего открыл дверцу микроволновой печи и выставил восемь минут.

Довольный собой, он вышел на террасу.

– Привет, прррропойца! – встретил его Борис.

– Здравствуй, эктоплазма в перьях, – ответил Маркус, погладив птицу.

В знак дружбы попугай прыгнул, склонил голову и открыл клюв, предлагая ему полуразжеванную массу из смеси различных фруктов.

Маркус поблагодарил его, а затем вытянулся во весь рост на солнце, зевнув так, что у него чуть не отвалилась челюсть.

– Встряхни котлетами! Встряхни котлетами! – крикнул попугай.

Подгоняемый подобными увещеваниями, Маркус осуществил то, что считал наиважнейшей задачей дня: проверил систему водяного насоса, который орошал десяток кустов конопли, скрытых за розарием. Джонатан не одобрял его маленькое сельское хозяйство, но закрывал на это глаза. В конце концов, Калифорния была ведущим западным производителем индийской конопли, а Сан-Франциско считался символом терпимости к любым видам контркультуры.

Маркус еще некоторое время постоял на террасе, наслаждаясь теплом. Проведя большую часть своей жизни в холодном Монреале, он особенно любил мягкий климат Калифорнии.

На Телеграф-Хилл было трудно поверить, что приближается Рождество: начинали цвести золотистые венчики жасмина; пальмы, сливы и олеандры сияли на солнце; деревянные домики сгибались под весом плюща, и все тонULO в пышных джунглях, где чирикали воробьи и разноцветные колибри.

Несмотря на относительно ранний час, отдельные пешеходы уже спускались по ступеням лестницы Филбер. Обильная растительность не полностью скрывала дом от посторонних глаз, так что некоторые прохожие были удивлены, а другие вообще пребывали в шоке, но никто не остался равнодушным к этому волосатому изваянию, перебрасывающемуся непристойными словами с попугаем.

Маркус не обращал на них внимания, пока один турист не достал свой фотоаппарат, чтобы запечатлеть эту сцену.

– Может быть, вы оставите меня покое в моем доме! – проворчал Маркус и отступил в сторону кухни как раз в тот момент, когда таймер микроволновой печи просигналил об окончании «приготовления».

Интересуясь результатом, он открыл печь и достал свою одежду. Она была не только сухой, но и очень теплой и мягкой!

«Кроме того, все пахнет булочками», – поздравил он себя, вдыхая аромат белья.

Встав перед зеркалом, он натянул все на себя, довольно поправил штаны, провел ладонями по футболке, на которой красовалось его любимое изречение: «OUT OF BEER (life is crap)»[10 - Без пива (дерьмовая жизнь) (англ.)].

В желудке заурчало. Голодный, он открыл холодильник, порылся в его содержимом и приготовил рискованную смесь: на ломтик хлеба намазал толстый слой арахисового масла, покрыл его сардинами в масле, а сверху поместил ломтики банана.

«Вкуснота!» – подумал Маркус со вздохом удовлетворения. Он несколько раз откусил свой сэндвич, а потом вдруг заметил их. Фотографии Маделин.

Более пятидесяти портретов, приколотых к пробковой доске, прикрепленных магнитами к металлическим дверям шкафов или даже приклеенных к стенам.

Очевидно, его друг провел большую часть ночи, печатая эти фотографии. Молодая женщина была на них во всей красе: одна, в паре, анфас, в профиль... Джонатан даже увеличил некоторые снимки.

Озадаченный, Маркус остановил жевательный процесс и подошел к фотографиям. Не отдавая себе в этом отчета, он постоянно наблюдал за Джонатаном. Почему тот вдруг сделал это? В какую тайну он стремится проникнуть, глядя в глаза Маделин Грин?

Несмотря на его внешний лоск, Маркус знал все слабости друга и понимал, что его «восстановление» еще очень неустойчиво.

У каждого человека в сердце пустота, рана, чувство заброшенности и одиночества.

Маркус знал, что рана Джонатана очень глубока и подобное его поведение не сулит ничего хорошего.

* * *

А в это время в нескольких километрах...

– Папа, а я могу попробовать вяленое мясо? – спросил Чарли. – Это мясо ковбоев!

Посадив сына на плечи, Джонатан уже почти час бродил между палаток фермерского рынка, находившегося на эспланаде старого пирса. Для ресторатора это был неизменный ритуал: каждую субботу он приезжал сюда делать покупки и искать вдохновение для составления своего еженедельного меню.

Фермерский рынок был типичным местом для Сан-Франциско. Вокруг Ферри-билдинг собиралась сотня фермеров, рыбаков и садоводов, продававших местную биологическую продукцию. Именно там можно было найти самые красивые овощи, самые сочные фрукты, самую свежую рыбу и самое нежное мясо. Джонатан любил это место, которое каждый раз привлекало пеструю толпу: туристов, поваров и просто гурманов, ищущих качественные товары.

– П'жалста, папа, там же есть вяленое мясо! Я же его никогда не пробовал!

Джонатан спустил сына на землю, и тот бросился к прилавку. Полный энтузиазма, Чарли проглотил кусок вяленого мяса и тут же подавил гримасу.

Джонатан озорно подмигнул ему.

Посреди этого праздника вкуса он чувствовал себя как дома. Базилик, оливковое масло, грецкие орехи, свежий козий сыр, авокадо, кабачки, помидоры, баклажаны, зелень, тыква, салаты – он все проверял, нюхал, пробовал, выбирал. «Плох тот повар, который стремится скрыть оригинальный вкус ингредиентов, вместо того чтобы раскрыть его». Жак Лару, шеф-повар, его учитель, передал ему весь свой опыт и строгость в выборе продукции, внимание ко времени года и умение выбирать лучших поставщиков.

Здесь, в саду-огороде Соединенных Штатов, это было не очень сложно. Давным-давно уже органические продукты не считались прерогативой одних только хиппи. Теперь это стало образом жизни как в Сан-Франциско, так и во всей Калифорнии.

Держа Чарли в поле зрения, Джонатан купил пять красивых тушек птицы, десять рыбин-калканов и коробку морских гребешков из Сен-Жака. Он выторговал также десяток омаров и пять килограммов креветок.

При каждом заказе он давал продавцу номер места, где был припаркован его грузовик, чтобы рабочие доставили туда покупки.

– Эй, Джонатан, попробуй-ка вот это! – крикнул ему продавец из Пойнт-Рейеса, протягивая устрицу.

Это была у них такая шутка, ибо француз не признавал местного обычая промывать устрицы водой перед подачей на стол, а посему никогда не ставил этот тип моллюсков в меню своего ресторана.

Джонатан поблагодарил и проглотил моллюска с кусочком лимона и ломтиком хлеба.

Он воспользовался этой паузой, чтобы достать из кармана куртки телефон Маделин. Он посмотрел на экран и оказался немного разочарован тем, что та не ответила на его сообщение. Может быть, он должен был отправить ей эсэмэску с извинениями? Может быть, он зашел слишком далеко? Но эта женщина так заинтриговала его... В эту ночь, распечатав ее фотографии, Джонатан, изучив заполнение памяти телефона, сделал странное открытие:

Емкость диска: 32 Гб

Свободное пространство: 1,03 Гб

Использовано: 96,8%

Доступно: 3,2%

Эта информация удивила его. Как память устройства могла быть настолько переполнена? На первый взгляд в мобильнике было пять фильмов, штук пятнадцать приложений, пятьдесят фотографий, около двухсот песен и... это было все. И этого явно недостаточно, чтобы заполнить всю память. Чтобы понять это, не нужно быть специалистом в области информатики. Вывод? Жесткий диск должен содержать еще какие-то данные.

Опершись локтями на парапет, выходивший прямо на залив, Джонатан закурил сигарету, наблюдая за Чарли, который присел около кроличьей клетки. Без сомнения, было не очень правильно курить здесь, но из-за непродолжительного сна он нуждался в дозе никотина. Он сделал затяжку, отвечая на поклон своего коллеги. Джонатана стали гораздо больше ценить, когда все вышли из его тени! И теперь большинство рестораторов приветствовали его со странной смесью уважения и сострадания. А здесь большинство людей знали, кто он такой: Джонатан Лемперер, бывший шеф-повар, считавшийся самым креативным в своем поколении, бывший Моцарт кухни, бывший босс лучшего ресторана в мире.

Бывший, бывший, бывший...

Сегодня он был никем или почти никем. Юридически у него даже не было права на открытие ресторана. Когда он был вынужден продать лицензию на свое имя, то действительно стремился держаться подальше от кухонных печей. «Френч Тач» не принадлежал ему, и его имя никогда не значилось на фасаде или на сайте ресторана, равно как и на визитных карточках.

В своей статье одна журналистка из «Кроникл» подняла этот вопрос, но она признала, что скромное бистро, которое он возглавлял сегодня, не имеет ничего общего с «Императором». Джонатан также извлек из этого пользу и внес ясность: да, в его новом заведении подают только самые простые блюда по доступным ценам. Нет, он никогда не будет создавать никаких рецептов, и вдохновение к нему не вернулось. Нет, он больше не станет стремиться к каким-либо кулинарным наградам. По крайней мере, все было ясно, и та статья успокоила тех, кто опасался его возможного возвращения.

– Папа, а можно попробовать горох с васаби? – умоляюще спросил Чарли, с любопытством наблюдая за прилавком одного старого азиата, который предлагал также утиные языки и черепаховый суп.

– Нет, приятель. Тебе это не понравится: это очень остро!

– Ну, п'жалста! Это же так красиво!

Джонатан лишь пожал плечами. И почему с самого раннего возраста человеческая природа заставляет нас игнорировать полезные советы?

– Поступай как хочешь. – Он сделал новую затяжку и, прищурившись, посмотрел на солнце. На роликовых коньках, пешком или на велосипедах, множество людей, воспользовавшись хорошей погодой, вышли прогуляться вдоль береговой линии. Вдали сверкал океан, а в синем небе летали чайки, готовые наброситься на любую появившуюся пищу.

Ошпаренный вяленным мясом, Чарли должен был бы вести себя более осторожно, но красивый зеленый горошек усыпил его бдительность, и он проглотил горсть гороха с горчицей...

– Фу! Как жжет! – крикнул он, стараясь выплюнуть все, что проглотил. Под веселым взглядом старого японца ребенок повернулся к отцу. – Ты мог бы меня предупредить! – упрекнул он, стараясь скрыть свою досаду.

– Пойдем выпьем шоколаду, – предложил Джонатан, раздавив ботинком окурок и подняв Чарли на плечи.

* * *

А в это время в Париже...

Было чуть больше семи вечера, когда курьер толкнул дверь «Чудесного сада». Несмотря на поздний час, в магазине было много народа, и Маделин попыталась сделать все, чтобы удовлетворить своих клиентов.

Сняв шлем, курьер подумал, что попал в другое измерение. Со всеми этими цветами в осенних тонах, смешанными запахами, весами и старой железной лейкой магазин напомнил ему сад в загородном доме его бабушки, где он провел большую часть своих детских каникул. Удивленный неожиданной сладостью этого островка природы, он почувствовал, что впервые за последние годы может вздохнуть полной грудью.

– Могу ли я вам чем-то помочь? – спросил Такуми.

– «Федерал Экспресс», – ответил он. – Меня просили прийти забрать посылку.

– Точно, вот пакет.

Курьер взял картонный конверт, который протянул ему азиат.

– Спасибо, приятного вечера.

Он вышел на улицу и сел на мопед. Выжав сцепление, нажал на стартер и помчался в сторону бульвара. Он уже проехал с десятков метров, как вдруг увидел в зеркале заднего вида женщину, махавшую ему рукой. Он затормозил и остановился у тротуара.

– Я Маделин Грин, – объяснила она, подбежав к нему. – Это я заполнила формуляр в Интернете, чтобы заказать экспресс-доставку этого пакета, но...

– Вы хотите отменить свой заказ?

– И получить пакет обратно, пожалуйста.

– Без проблем. – Молодой человек вернул конверт Маделин. Очевидно, так нередко случалось и заказчики часто меняли свое решение в последний момент.

Она подписала отказ от заказа и дала ему за это 20 евро компенсации.

После этого Маделин пошла в магазин, прижимая телефон к груди и задавая себе вопрос, правильно ли она поступила. Решая не возвращать телефон Джонатану, она понимала, что это может его спровоцировать. Если она не услышит о нем в ближайшие дни, то попросит его вернуть ее телефон, но в случае, если что-то пойдет не так, ей бы хотелось сохранить возможность иметь с ним прямой контакт.

Ей хотелось надеяться, что подобного никогда не случится.

* * *

Сан-Франциско

Джонатан продолжил движение под арками Ферри-билдинг. Вот уже более ста лет морской вокзал гордо стоял вдоль набережной Эмбаркадеро. Она пережила свой расцвет в 20-х годах, когда этот пассажирский терминал являлся крупнейшим в мире. Сегодня его главное здание было преобразовано в элегантный торговый пассаж, где сырные лавки, пекарни, продуктовые магазины, итальянские trattorie и шикарные бакалеи, следуя друг за другом, создавали некое особое место для прогулок, популярное среди гурманов.

Джонатан купил зимние фрукты: виноград, киви, лимоны, гранаты и апельсины, – а потом, сдержав обещание, данное сыну, предложил ему большую чашку горячего шоколада в кафе, выходившем на причал.

Чарли с облегчением изгнал мягким и ароматным какао привкус горчицы, которая жгла ему рот. Джонатан же довольствовался чашкой пуэра. Его мысли были совсем в другом месте. Сделав первый глоток чая, он проверил экран мобильного. Но там не было никаких известий о Маделин.

Внутренний голос шепнул ему, что стоит остановиться. Во что он играет? Что пытается доказать? И что все это может принести, кроме неприятностей?

Однако он решил проигнорировать эти соображения. Прошедшей ночью он методично открыл все приложения, и одно показалось ему подозрительным: оно позволяло читать файлы большого объема – сканированные документы, фотографии, видео – после перенесения их с компьютера на телефон. Если Маделин и замаскировала какие-то документы в своем аппарате, а именно об этом говорил анализ состояния памяти телефона, то они могли быть только там.

Кроме того, приложение это было защищено паролем!

«Введите пароль».

Джонатан посмотрел на мигающий курсор, предлагающий вести пин-код. На авось он попытался последовательно ввести ее имя, фамилию и само слово «пароль».

Но это не подошло.

Когда третья попытка оказалась неудачной, он взглянул на часы и запаниковал, понимая, что слишком задержался. По выходным он нанимал помощника, молодого повара, но у того не было ключей, а на то, что этот лодырь Маркус придет вовремя, можно было и не рассчитывать.

– Эй, моряк, поднимаем паруса! – приказал он Чарли.

– Ой, папа, а можно пойти поздороваться с морскими львами?

Малыш любил, когда отец брал его посмотреть на этих странных морских животных, которые после землетрясения 1989 года выбрали пристань Пьер-39 местом своего обитания.

– Нет, дорогой, мне надо идти на работу, – ответил Джонатан с небольшой долей вины в голосе. – Мы увидим их завтра в Бодега-Бэй, когда будем ловить рыбу с лодки. О'кей?

– О'кей! – закричал Чарли, вскакивая со стула.

Джонатан вытер салфеткой усы, которые шоколад нарисовал под носом у его сына.

Не успели они дойти до стоянки машин, как телефон завибрировал в его кармане. Джонатан достал его и увидел имя ЭСТЕБАН на экране.

* * *

На мгновение он заколебался, стоит ли отвечать самому, но тут ответственный за поставки предложил ему помочь с загрузкой товаров. Чарли с радостью вызвался помогать, и трое мужчин быстро свалили все ящики в грузовой микроавтобус «Остин» модели 1960 года с эмблемой ресторана.

– Пристегни-ка ремень, – попросил Джонатан сына перед включением зажигания.

Поехав в направлении итальянского квартала, он поставил телефон в держатель, приклеенный к лобовому стеклу, и...

Бинго! Эстебан оставил сообщение! Он включил динамик для прослушивания, но вместо ожидаемого мужского голоса услышал мелодичный голос женщины, которая объявила:

– Здравствуйте, мадемуазель Грин, это кабинет доктора Эстебана, я звоню, чтобы узнать, возможно ли перенести на час вашу встречу в понедельник. перезвоните, пожалуйста. Приятных выходных.

Вот так сюрприз! Таким образом, Эстебан – это было не имя любовника из Южной Америки, а имя врача! Охваченный любопытством, он запустил приложение «Желтые страницы» на устройстве, но тут сын вернул его к действительности:

– Смотри на дорогу, папа!

Он кивнул:

– О'кей, парень, сейчас ты мне поможешь.

Радуюсь возможности помочь, Чарли затыкал пальцем по сенсорному экрану, вводя данные в онлайн-каталог. По команде отца он набрал «доктор Эстебан», а затем «Париж», после чего нажал на поиск. Через несколько секунд программа показала результат:

Лоуренс Эстебан

Психиатрическая медицина

66-бис, улица Лас Казес 75007 Париж

Таким образом, Джонатан ошибся относительно прелюбодеяний Маделин, но он угадал причину ее дискомфорта. На фотографиях она, возможно, и

демонстрировала видимость полного счастья, но тот, кто два раза в неделю ходит на прием к психиатру, редко является образцом душевного спокойствия...

7. Падший Лемперер

Нам обоим нужно было забыться, переждать какое-то время, чтобы потом отправиться дальше нести свой груз небытия [...] Два заблудившихся существа, которые поддерживают друг друга в своем одиночестве.

Ромен Гари

Париж, VIII округ

1.00

Квартира в небольшом здании в Фобур-дю-Руль

Смесь дождя и снега падала на крыши столицы.

При свете ночника, согревшись под одеялом, Маделин закончила последнюю страницу книги «Признания влюбленного повара» Джонатана Лемперера, которую Такуми купил этим утром.

Лежа рядом с ней, Рафаэль спал уже в течение двух часов. Когда он добрался до кровати, то надеялся, что его будущая жена прекратит чтение ради перспективы объятий, но Маделин была словно прикована к книге, и, прождав довольно долго, Рафаэль заснул.

Маделин любила читать в тишине ночи. Хотя квартира Рафаэля и находилась недалеко от Елисейских Полей, это был оазис спокойствия, защищенный от полицейских сирен и криков праздных гуляк. Она пожирала прозу Джонатана со смесью восхищения и отвращения. Книга была датирована 2005 годом. Лемперер проживал тогда свой золотой век, о чем свидетельствовала четвертая страница обложки, где были приведены восторженные отзывы критиков, которыми он мог наслаждаться в то время: «мастер вкуса», «Моцарт

гастрономии», «самый талантливый шеф-повар в мире».

В ходе различных интервью Лемперер четко обозначил свое кредо: кулинарные творения – это особое искусство, такое же, как живопись или литература. Для него еда не ограничивалась удовлетворением вкусовых рецепторов, но включала в себя еще и художественный аспект. Более того, повара он считал творцом: сравнивая его работу с деятельностью писателя, сидящего перед пустой страницей, он утверждал, что практикует «авторскую кухню».

«Помимо простой работы ремесленника, я хочу, чтобы моя кухня рассказывала истории и провоцировала эмоции», – говорил он.

В этом контексте он возвращался к началам своих творений, чтобы определить корни своего искусства. Как формировалась его интуиция? Каким образом он сочетал один вкус с другим, чтобы получить неизвестное дотоле сочетание? Какую роль играет фактура блюда и его внешний вид?

«Мне интересно все, – признавался он. – Я питаю свое творческое начало, посещая музеи, выставки живописи, слушая музыку, смотря фильмы и созерцая пейзажи, но мой главный источник вдохновения – это моя жена Франческа. Я закрываю свой ресторан на три месяца, чтобы укрыться в своей студии в Калифорнии. Мне нужно это время для восстановления и для создания новых рецептов, которые я буду предлагать в «Императоре» в следующем году».

Маделин была удивлена количеством глав в книге, посвященных цветам. Джонатан широко использовал их в своей кухне, именно вокруг них строя часть своих рецептов: бутоны засахаренных настурций, хрустящие кусочки фуа-гра с розовым конфитюром, лягушачьи лапки с карамелью и фиалками, шербет с мимозой и безе с сиренью, прозрачные конфеты с немурскими маками...

Маделин услышала, как урчит у нее в животе. Это чтение возбудило у нее аппетит! Очень тихо она выскользнула из кровати и, завернувшись в одеяло, пробралась на кухню, выходящую прямо на крыши. Она поставила чайник на огонь и открыла холодильник в поиске того, что можно было бы поесть.

Хм, не так-то и много...

Порывшись в шкафах, она достала начатый пакет гранолы[11 - Еда для завтрака, или снэк, содержащая овес, орехи и мед, иногда рис, обычно запеченные до хрустящего состояния.]. Пока закипала вода, она пожевала содержимое пакета и пробежала глазами приложения к «Признаниям влюбленного повара», где были напечатаны некоторые из рецептов, создавших особую репутацию нью-йоркского ресторана Лемперера. Во времена, когда Джонатан был шеф-поваром, «Император» каждый вечер предлагал некое кулинарное путешествие, организованное вокруг двадцати блюд, которые можно было посмаковать маленькими порциями, в строго определенном порядке, достойном сценария фильма, с такими же сюрпризами и поворотами. Посмотрев в меню, Маделин не могла сдержать слюноотделение.

Акт 1

Обжаренные в сухарях раки с икрой

Хрустящий бекон с сыром

Яичница с морскими ежами и пралине

Оладьи из цветков акации с зефиром

Соте из бобов, обжаренных с чесноком в панировочных сухарях

Настоящая ниццкая пицца

Акт 2

Жареные гребешки Сен-Жак с макаронами и ризотто с миндалем

Ризотто с трюфелями и эмульсией белого шоколада

Телячья голень из Страны Басков, нашпигованная жасмином

Каре и седло молочного ягненка с медом и тимьяном

Акт 3

Мороженое с маршмеллоу, растопленное на костре

Ананас с лепестками магнолии

Клубника с цветком настурции, позолоченные сусальным золотом

Сирень с молочным муссом, оливковым маслом и медом

Ломтик банана с какао и рисовый пудинг с цветком бузины

Ложка кокосового карамелизованного мусса

Конфета с сахарной ватой

Маделин с чашкой чая в руке села перед экраном своего ноутбука. Через окно она наблюдала за ворсистыми хлопьями, которые, рассыпаясь, падали на крышу. Помимо своей воли она чувствовала все более и более сильное влечение к Лемпереру и к тайне, окружавшей его внезапный уход с кулинарной сцены. Почему еще молодой человек в полном расцвете славы и на вершине своего искусства вдруг решил покончить со своей карьерой?

Войдя в Гугл, она набрала «Джонатан Лемперер», добавив уточнение: «закрыв свой ресторан», и принялась за поиски...

* * *

А в это время в Сан-Франциско...

Четыре часа. Джонатан отправил последний на сегодня десерт – простой пирог с абрикосами и розмарином, – развязал фартук и помыл руки.

«Обслуживание окончено!» – подумал он, покидая кухню. В зале он поприветствовал одного из клиентов и пошел за прилавок приготовить два эспрессо – один для своего помощника, другой – для себя. Он взял чашки, проверил их температуру, чтобы убедиться, что потери тепла будут минимальны и аромат кофе сохранится. В Норт-Бич, итальянском квартале города, с этим не принято было шутить! Здесь и вопроса не стояло о том, чтобы сварганить ристретто или использовать одну из этих капсульных машин, которые – от Шанхая до Нью-Йорка – делают вкус кофе совершенно одинаковым.

С чашкой в руке он вышел на террасу и убедился, что Чарли не слишком скучает. Со своей тачпад-игрушкой парнишка был погружен в мир динозавров и даже не обратил внимания на отца, когда тот присел рядом с ним у одной из жаровен.

Джонатан незаметно закурил, наблюдая за прохожими и детьми, пересекавшими Вашингтон-сквер. Он любил это место и его атмосферу. Хотя большинство его жителей в настоящее время уже было азиатского происхождения, квартал считался очень привязанным к своему итало-американскому наследию, о чем свидетельствовали передвижные установки по продаже мороженого, уличные фонари, опоясанные зелено-бело-красными лентами, и многочисленные рестораны, где можно было попробовать пасту с песто, панна котту и тирамису. Место это было легендарным: здесь жил Керуак, в местной церкви выходила замуж Мэрилин Монро и Фрэнсис Форд Coppola, постановщик «Крестного отца», обязательно брал отсюда какой-нибудь ресторан или офис.

Джонатан достал из кармана телефон Маделин. Сообщений так и не было. И он принялся за таинственное приложение, решив на этот раз обойти барьер в виде пароля.

«Введите пароль».

Так, надо было действовать по порядку. Нам постоянно вдалбливают, что ключ, который защищает наши дела, так же важен, как секретный код кредитной карты. Отлично. Нам прожужжали уши советами по выбору действительно надежного пароля: избегайте слишком коротких слов, не используйте

информацию, известную вашим родным и близким, выбирайте комбинации букв, цифр и специальных символов. Нас уверяют, что в подобном контексте формула типа «! Efv (abu#\$vh%rgiubfv°oalk?s, dCX» была бы лучшим паролем, который практически невозможно взломать.

Да, если не принимать во внимание, что это также невозможно и запомнить...

Джонатан одним глотком проглотил свой кофе. Он был убежден, что надо искать что-то очень простое. В современной жизни нам приходится жонглировать различными видами кодов: кредитные карты, социальные сети, электронная почта... Чтобы получить доступ к любой службе, сейчас необходимо ввести пароль, и это слишком для нашей памяти. Таким образом, чтобы упростить себе жизнь, большинство людей склонны выбирать короткие и знакомые коды, которые легко вспомнить. В нарушение всех правил безопасности, обычно выбор падает на дату рождения, имена жены или детей, кличку животного, номер телефона или на простую серию последовательных цифр или букв.

И Джонатан методично набрал «123456», «abcde», «rafaele», «green» и номер мобильного Маделин.

Неудача.

Покопавшись в почте, он обнаружил сообщение, показавшееся ему интересным: это была заявка на регистрацию, отправленная Маделин дилеру, который продал ей мотоцикл. В нем среди прочего значилась фотокопия ее удостоверения личности. Узнав дату ее рождения, Джонатан набрал «21031978», «21 mars 1978», «21/03/78», а также по-английски «03211978», «march211978», «03/21/78».

Опять неудача.

– Думай! – подстегнул он себя вслух.

В качестве адреса электронной почты Маделин значилось: maddygreene78@hotmail.com, и он набрал «maddygreene», а затем «maddygreene78».

Неудача.

Джонатан почувствовал, как ярость и разочарование растут в нем. Он сжал кулаки и вздохнул. Это так раздражало – находиться у самой секретной двери и не иметь возможности получить к ней доступ!

* * *

Маделин надела тонкие очки, чтобы более комфортно прочитать результаты поиска, появившиеся на ее экране.

«Лемперер отрекается от престола», «свергнутый Лемперер», «падение Лемперера»: французские газеты соревновались в игре слов, объявляя об «отставке» Джонатана. Она нажала на ссылку, которая перенесла ее на статью на сайте газеты «Либерасьон».

Культура 30/12/2009

Падший Лемперер

Волшебник авангардистской кухни провел вчера вечером пресс-конференцию на Манхэттене, в ходе которой было неожиданно объявлено о закрытии его ресторана и о продаже всех его активов.

С бледным лицом и заросший бородой, с запавшими глазами и весь сгорбленный – в таком виде понтифик нью-йоркской гастрономии, французский шеф-повар Джонатан Лемперер объявил в четверг о немедленном закрытии своего ресторана «Император» (три звезды по классификации Мишлен), а также продаже всех активов группы, которую он основал вместе со своей женой Франческой ДеЛилло. Это решение имело тяжелые последствия для двух тысяч сотрудников компании.

Особенный шеф-повар

Расположенный в легендарном «Рэйнбоу-Рум», ресторан «Император» неоднократно назывался лучшим рестораном в мире, по версии британского журнала «Ресторан мэгазин».

Фантастический и изобретательный для одних, шарлатан и самозванец для других, Лемперер правил кулинарным миром на протяжении почти десяти лет.

Усталость

Оправдывая свое внезапное решение, шеф-повар заявил, что он «устал, измучен и лишен мотивации», объясняя таким образом крайнюю степень своего истощения и неспособность быть всегда на ходу, работать по 18 часов в сутки и 360 дней в году.

«Я остановил все. Окончательно», – сказал Лемперер, категорически исключая возможность дальнейшего руководства большим рестораном. «Я не чувствую больше удовольствия от своего искусства, и я не думаю, что оно в один прекрасный день может вернуться», – пояснил он, заявив также, что устал от критиков, которые не понимают его работы.

Семейные проблемы

Но, похоже, его решение уйти из мира гастрономии связано не только с критикой, но и с семейными проблемами. «Я был очень привязан к своей жене Франческе, и нет никаких сомнений, что наш недавний разрыв повлиял на мое решение», – признался Лемперер, однако уклонился от дальнейших вопросов о своей личной жизни.

Финансовые проблемы

«Финансовые показатели также сыграли свою роль, сделав мой уход неизбежным», – сказал он. В течение нескольких лет группа «Император» действительно работала с крупной задолженностью, погрязнув в экономической модели с неэффективными и рискованными инвестициями. Таким образом, Лемперер с ножом у горла был вынужден продать лицензию на использование своего имени в роскошном гостиничном комплексе компании

«Уин Энтертеймент», которая приняла на себя все активы группы.

Неопределенное будущее

Что будет теперь делать Лемперер, которому еще нет и сорока? Отдыхать? Заряжаться? Делать другую ставку? Шеф-повар оставил смутное представление о своем будущем. Спеша закончить свое выступление, он покинул пресс-конференцию в одиночестве, с потерянным взглядом. У него был вид усталого человека, но, возможно, втайне он испытывал облегчение от того, что не нужно больше продолжать игру с «Императором».

Маделин нажала на другую ссылку: это была статья на сайте «Нью-Йорк тайме», которая давала иное освещение события.

Синдром Вателя

Текст: Тед Букер

Опубликовано: 30 декабря 2009 года

Культовый лидер авангардной кухни Джонатан Лемперер стал жертвой синдрома Вателя?[12 - Франсуа Ватель (1631–1671) – метрдотель принца де Конде, покончивший жизнь самоубийством 24 апреля 1671 года прямо во время приема у своего хозяина из-за того, что ловля рыбы в тот день задержалась и он боялся, что приглашенные именитые гости останутся без свежей морской рыбы.]

Нью-йоркский шеф-повар в действительности стал далеко не первым виртуозом печи, который вдруг сошел со сцены, разочаровавшись. Многие великие шеф-повара до него, от Бернара Луазо[13 - Один из величайших французских шеф-поваров второй половины XX века. Получил широкую известность в 90-х годах, покончил жизнь самоубийством, не оставив никаких объяснений, в феврале 2003 года в возрасте пятидесяти двух лет. – Примеч. автора.]до Жака Лару, испытывали постоянный страх падения.

Джонатану Лемпереру чудом удавалось объединять творчество, признание критиков и рентабельность в течение целого десятилетия. Именно это тонкое равновесие и нарушилось сегодня вечером.

Следуя по ссылкам, которые шли после статьи, Маделин подумала, что все они похожи на некрологи, что все заинтересованные стороны говорят о Лемперере так, как если бы он... умер.

Майкл Блумберг, мэр Нью-Йорка, высоко оценил большой талант великого шеф-повара, который стал за эти годы настоящим сыном Нью-Йорка. Хиллари Клинтон напомнила об «активной поддержке Джонатаном Лемперером акций, проводившихся в школах для содействия развитию вкусового воспитания детей». Фредерик Миттеран, министр культуры Франции, приветствовал в нем «гения кулинарного искусства, который сумел внести свой вклад в международную репутацию французской гастрономии».

Но рядом с подобными высказываниями одно мнение явно диссонировало: это было мнение шотландского шеф-повара Алека Бакстера, который заявил, что Джонатана свергли с трона лучшего повара на планете. Бакстер брал реванш и не скрывал своего удовлетворения: «Лемперер был всего лишь падающей звездой в мире кулинарии. Метеором, созданным в средствах массовой информации. И вот наконец его поглотила та самая система, которая выдвинула его наверх. Кто будет помнить его имя через десять лет?»

Но самым сильным, самым личностным и самым острым свидетельством стало мнение Клер Лизье, одного из двух заместителей шеф-повара «Императора». «Я работала с Джонатаном Лемперером десять лет, – писала она. – Именно он научил меня всему. Он заметил меня, когда я была простой официанткой в кафе «Мэдисон», куда он каждое утро приходил завтракать. У меня не было продленного разрешения на работу, и он помог мне решить эту проблему, пригласив работать в свой ресторан. Он был человеком большой решимости, требовательным, но щедрым по отношению к своим сотрудникам».

– Ты, матушка, должно быть, была тайно влюблена в него... – пробормотала Маделин и продолжила читать.

«Джонатан представляет собой смесь силы и хрупкости, – продолжала Клер. – У него всегда был тяжелый характер, очень противоречивый, обожающий и боящийся средств массовой информации и славы. В последнее время я чувствовала, что он очень подавлен. Гиперактивный, постоянно находившийся в напряжении, он неустанно стремился к совершенству, и это стало для него своего рода рабством. Он был истощен, неустанно работая с утра до ночи, почти никогда не брал отпуск. Пока жена поддерживала его, у него был некий иммунитет, спасавший его от безумия, но когда она его покинула, он не выдержал. Все ошибаются по поводу Джонатана Лемперера: его жажда признания, его амбиции, его уступки «star system» не были признаками чрезмерной мании величия. Мне кажется, что он делал это для Франчески. Чтобы угодить ей, чтобы она его любила. С того момента, как они расстались, я думаю, что все это перестало интересовать его, что все потеряло смысл...»

– Что ты тут делаешь?

Маделин аж подскочила и повернулась, словно ее застали на месте преступления. Это был Рафаэль. В халате, сонный, он как-то странно смотрел на нее.

– Ничего, ничего, – заверила его она, торопливо закрывая монитор своего компьютера. – Я... Я заполняла свои счета: взносы, URSSAF[14 - Организация по взиманию членских взносов в области социальной безопасности и семейных пособий (Unions de recouvrement des cotisations de securite sociale et d'allocations familiales).], налоги... Ну, ты же знаешь, что это такое.

– Но ведь сейчас два часа ночи!

– Я не смогла заснуть, дорогой, – объяснила она, снимая очки.

Он сделал глоток чая, уже ставшего холодным, сунул свой нос в пакет гранолы, но оказалось, что тот пуст.

Рафаэль наклонился и поцеловал ее в губы, потом провел рукой под ее ночной рубашкой и погладил живот. Его губы скользнули к шее Маделин. Очень медленно он сбросил одну бретельку ее шелковой рубашки, потом вторую...

Его любовный порыв был внезапно прерван рингтоном «Джека-попрыгунчика». Рафаэль вздрогнул от неожиданности и отступил.

Маделин посмотрела на вибрирующий телефон Джонатана, лежавший рядом с ее компьютером. На экране была изображена брюнетка серьезного вида, с темными и глубокими глазами. Картинка сопровождалась именем: «ФРАНЧЕСКА».

Не дав себе времени подумать, Маделин взяла трубку...

* * *

– Пап, мне немного холодно.

Джонатан поднял голову от экрана. В течение часа он был погружен в извилистые блуждания своих мыслей, безуспешно пытаясь взломать пароль Маделин. Он просмотрел большую часть ее почты, терпеливо пропуская через себя информацию и пытаясь найти соответствующий индекс.

– Пойди надень свитер, дорогой, – сказал он, протягивая сыну бумажное полотенце, чтобы тот вытер нос, из которого текло, как из фонтана.

Солнце исчезло, уступив место густому белому туману, покрывшему улицы и парк, на который выходила терраса. Не зря Сан-Франциско называли Городом туманов. Это, кстати, была одна из тайн: густой туман мог окутать весь город с его Золотыми Воротами всего за несколько минут.

Когда Чарли вернулся, одетый в толстую водолазку, Джонатан посмотрел на часы.

– Алессандра не опоздает. Тебе хочется пойти посмотреть мюзикл «Злая» вместе с ней?

Мальчик утвердительно кивнул и тут же воскликнул:

– Вот она! – И он принялся прыгать от радости при виде своей няни.

Студентка была дочерью Сандро Сандрини, владельца одного из старейших итальянских ресторанов в этом квартале. Она училась в Беркли, и каждый раз, когда Чарли приезжал в Калифорнию, Джонатан обращался к ее услугам.

Он поприветствовал девушку, и тут телефон завибрировал в его руке. Он посмотрел, что появилось на экране, и узнал знакомые цифры номера своей бывшей жены!

– Алло?

Франческа нейтральным голосом объяснила, что пыталась до него дозвониться и попала на некую парижанку, которая рассказала ей об обмене мобильниками. Она просто хотела убедиться, что все хорошо, и поговорить с Чарли.

– Это твоя мать, – сказал Джонатан и передал телефон сыну.

8. Те, кого любят

Иногда это тоже любовь: отпустить тех, кого любишь.

Джозеф О'Коннор

Округ Сонома

Калифорния

Воскресенье, утро

– Ты не любишь больше маму, ведь так? – спросил Чарли.

«Остин» летел вдоль извилистого берега Тихого океана.

Джонатан и его сын встали на рассвете. Они выехали из Сан-Франциско по хайвэю № 1, проходящему последовательно мимо пляжа Мьюир-Бич с черным

песком и богемной деревни Болинас, жители которой в течение десятилетий уничтожали все указатели, чтобы защитить себя от массового туризма.

– Так ты все еще любишь маму? – переформулировал свой вопрос ребенок.

– Почему ты задаешь мне этот вопрос? – спросил Джонатан, убавляя звук радио.

– Потому что я знаю, ты скучаешь по ней, а она хочет, чтобы мы опять жили втроем.

Джонатан покачал головой. Он всегда старался, чтобы его сын не думал, что разлука с его матерью может быть временной. По опыту он знал, что ребенок часто сохраняет тайную надежду, что его родители вновь сойдутся однажды, и ему не хотелось, чтобы Чарли жил в этой иллюзии.

– Забудь об этом, дорогой. Этого не будет.

– Но ты мне не ответил, – заметил мальчик. – Ты ее еще немного любишь или нет?

– Слушай, Чарли, я знаю, что это трудно для тебя и что ты страдаешь в сложившейся ситуации. Мои родители разошлись, когда я был в твоем возрасте. Как и тебе, мне было очень грустно, и я упрекал их за то, что они не приложили усилий, чтобы примириться. Я готов признать, что мы все трое были счастливы, когда твоя мама и я любили друг друга. К сожалению, истории любви не вечны. Это так. И тут важно, чтобы ты понимал, что то время уже позади и оно не вернется.

– Кхм...

– Мама и я, мы друг друга очень любили, и ты – плод этой любви. Только из-за этого я никогда не пожалею о том времени.

– Кхм...

Джонатан никогда не говорил сыну, что Франческа – плохая мать. Да, он мог обвинить ее в том, что она оказалась неверной женой, но она все же была для

Чарли прекрасной матерью.

– В отличие от связей внутри пары, связи между родителями и детьми делятся всю жизнь, – продолжил он, дословно используя советы психологов, которые ему доводилось читать. – Тебе не придется выбирать между нами: твоя мать всегда будет твоей матерью, а я всегда буду твоим отцом. Мы оба ответственны за твое образование, и мы всегда будем рядом с тобой, как в счастливые моменты твоей жизни, так и в трудные времена.

– Кхм...

Джонатан посмотрел на пейзаж через лобовое стекло. Дорога, извилистая и дикая, шла вдоль океана. Скалистые утесы, обдуваемые ветрами, делали эти места больше похожими на Великобританию или Ирландию, чем на Калифорнию.

Он чувствовал себя виноватым в том, что не смог найти в разговоре с сыном более точные слова. Для Чарли развод его родителей был внезапным и неожиданным. До этого момента Джонатан старался никогда не вводить его в подробности своих отношений с его матерью, но было ли это правильным решением? Да, конечно же: ведь как было объяснить ребенку всю сложность брачных отношений и разрушительную силу измен? Несмотря на это, он решился уточнить:

– Я не отрицаю прошлое, но однажды я вдруг понял, что твоя мама – больше не та женщина, которую я думал, что знаю. В течение последних лет нашего брака я был влюблен в иллюзию. Ты понимаешь?

– Кхм...

– Кончай эти свои «кхм»! Ты понимаешь или нет?

– Я не уверен, – ответил ребенок, сделав смешную гримасу.

«Черт, и зачем я ему это сказал?..» – пожалел Джонатан.

Они проехали мимо стада коров и прибыли в пункт назначения: небольшую рыбацкую деревушку Бodega-Бэй. Расположенная в шестидесяти километрах к

северо-западу от Сан-Франциско, она стала известна всему миру с тех пор, как Альфред Хичкок снял здесь большинство сцен из своего фильма «Птицы».

Этим зимним утром прибрежный городок медленно оживал. Они припарковались на почти пустой стоянке. Чарли вышел из машины и побежал к причалу, чтобы посмотреть на морских львов, которые грелись на солнце, испуская крики удовлетворения.

В порту несколько палаток предлагали еще шевелящихся ракообразных, а под навесами ресторанов уже покачивались в креслах-качалках местные старожилы, наслаждаясь, несмотря на ранний час, гигантскими крабами и клемчаудером[15 - Суп из моллюсков с луком и беконом, который подается в сделанной в виде тарелки буханке хлеба. – Примеч. авт.].

Как он и обещал сыну, Джонатан арендовал лодку, напоминавшую небольшую марсельскую барку.

– Давай, дружище, прямо руля!

Водная гладь была спокойной, идеально подходящей для плавания.

Посудина отошла от берега, а потом остановилась в двух милях от порта. Чарли вытащил свою удочку и с помощью отца насадил червя на крючок, после чего забросил наживку в море.

Джонатан проверил мобильник Маделин, но эта часть страны была вне зоны действия сети. Продолжая следить краем глаза за сыном, он закурил сигарету и с наслаждением затянулся, любуясь птицами, летавшими вокруг лодки. Конечно, Хичкока это не могло не вдохновить: место было буквально наводнено чайками, бакланами, крачками, чьи крики смешивались с противотуманными сигналами лодки.

– Эй, почему ты куришь, если от этого умирают? – спросил Чарли.

Джонатан сделал вид, что не расслышал, и сам спросил:

– Ключет?

Но ребенок решил не отказываться от крестового похода против табака.

– Я не хочу, чтобы ты умер, – сказал он, и его глаза стали влажными.

Джонатан вздохнул.

«Как с этим бороться?»

Он сдался, сделал последнюю затяжку и притушил окурок.

– Доволен?

– Доволен! – ответил мальчик, и выражение лица у него мгновенно стало веселым.

* * *

А в это время в Довилле...

Комнатные часы только что пробили семь часов вечера.

Дрова потрескивали в камине. Рафаэль и его отец соревновались друг с другом у бильярдного стола. Сидя на диване из мягкой кожи, Маделин механически кивала головой, вполуха слушая болтовню Изауры – своей будущей свекрови, в то время как Султан, английский кокер, с любовью пускал слюни на ее новые туфли.

Снаружи шел дождь, он стучал по окнам с самого полудня.

– Ах! Я обожаю эту программу! – воскликнула Изаура, переключив вдруг внимание с Маделин на телевизор, который начал транслировать очередную ерунду.

Маделин воспользовалась этим, чтобы встать с дивана.

– Я пойду выкурю сигаретку.

– А я думал, что ты бросила, – запротестовал Рафаэль.

– Это убьет вас, дорогая, – добавила Изаура.

– Без всякого сомнения, – согласилась Маделин. – Но надо же умереть от чего-то, не так ли? – С этими словами она набросила куртку и вышла на террасу.

Хотя ночь уже давно наступила, сложная система прожекторов хорошо освещала небольшой дом в англо-нормандском стиле, подчеркивая его шпили и бирюзовую воду бассейна.

Маделин сделала несколько шагов по террасе и оперлась на перила. Дом нависал над ипподромом, отсюда открывался впечатляющий вид на Довилль.

Она зажгла сигарету и сделала первую затяжку. Ветер хлестал ей в лицо. Убаюканная шумом моря, она закрыла глаза, пытаясь отключиться.

Буржуазный комфорт и инертность этих выходных в кругу семьи вызвали у нее смешанные чувства: умиротворенность, спокойствие, бунт, желание сбежать.

Возможно, когда-нибудь она к этому привыкнет...

Воздух был ледяным. Застегнув до самой шеи молнию на куртке, Маделин натянула капюшон и вытащила телефон из кармана.

С сегодняшнего утра большинство ее мыслей сходилось к Франческе ДеЛилло, с которой она говорила по телефону предыдущей ночью. Эта женщина, ее тайна, ее история повлияли на нее, как-то странно очаровали. Их разговор был коротким, но достаточно важным, чтобы преследовать ее весь день. Когда Франческа поняла, что произошло, она попросила, немного сконфузившись, удалить то сообщение, что оставила на автоответчике Джонатана, и сказала, что ему не надо говорить об этом. Это был «момент слабости», как призналась она. И Маделин ее поняла.

Она вошла в браузер смартфона и набрала имя Франчески в разделе «картинки» поисковой системы. В молодости, продолжая обучение в области управления, бывшая жена Джонатана работала моделью крупных модных брендов. Ее первые фотографии датировались 90-ми годами, показывая ее на подиуме и в различных рекламах. Судя по снимкам, она была похожа на Деми Мур, Кэтрин Зета-Джонс или Монику Беллуччи. Тут же были размещены ее фотографии вместе с Джонатаном – доказательства того, что в счастливые времена пара не стеснялась использовать собственную личную жизнь для увеличения популярности своей компании.

Дождь стал сильнее. Ударил гром, и молния сверкнула прямо рядом с домом, но, погруженная в киберпространство, Маделин этого даже не заметила.

Ее пальцы заскользили по сенсорному экрану и кликнули по значку сайта журнала «Ярмарка тщеславия». Несколько лет назад американский «Пари матч» посвятил шесть страниц этой паре, дав материалу название: «Кухня – это любовь!» Длинное интервью и достаточно гламурные фотографии имели лишь весьма отдаленное отношение к гастрономии. На одной из них можно было увидеть, что супруги сделали себе одинаковые татуировки на правой лопатке. Маделин увеличила изображение и смогла расшифровать надпись:

You'll never walk alone[16 - «Ты никогда не будешь один» – песня, написанная американскими композиторами Ричардом Роджерсом и Оскаром Хаммерстайном для мюзикла «Карусель» в 1945 году. Песня также является гимном английского футбольного клуба «Ливерпуль».]

Это было красиво... При условии, если уверен, что останешься вместе на всю жизнь. Сейчас же, задним числом, в этой фотографии было что-то жалкое.

– Дорогая, ты простудишься! – распахнул дверь Рафаэль.

– Я иду, сердце мое! – ответила Маделин, не поднимая глаз от телефона.

Переходя от одной картинки к другой, она вдруг заметила одну очевидную вещь: Франческа преображалась в зависимости от того, была она одна или в

присутствии Джонатана. Похожая на кошку супермодель, уверенная в силе своих чар, вдруг превращалась во влюбленную женщину с глазами Химены[17 - Персонаж пьесы Пьера Корнеля «Сид». Химена была влюблена в дона Родриго, тот вызвал на поединок ее отца и убил его, а она вынуждена была разрываться между любовью и жаждой мести.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Big Apple – самое известное прозвище Нью-Йорка. – Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примеч. пер.

2

Отдельные жизни (англ.).

3

Знаменитое и очень дорогое вино из долины Напа.

4

Известные марки виски.

5

Хельмут Ньютон (1920–2004) – фотохудожник, с 1961 года сотрудничавший с французским журналом «Вог» и ставший одним из самых значимых фотографов; он часто работал в жанре «ню».

6

Речь идет о песне Jumpin' Jack Flash группы «Роллинг Стоунз». Известные переводы названия этой песни: «Джек-попрыгунчик», «Ванька-Встанька» и т. д.

7

Арчибальд Хэддок – персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже (Жорж-Проспер Реми), капитан дальнего плавания, лучший друг главного героя. Капитан обожал использовать в качестве ругательств экзотические слова. В «Словаре брани капитана Хэддока» приведено 192 произнесенных им ругательных выражения, многие из которых Эрже почерпнул, просматривая словари редких слов.

8

Красный гид Мишлен – наиболее известный и влиятельный из ресторанных рейтингов на данный момент. Гид выпускается с 1900 года и имеет трехзвездную систему оценки ресторанов. Одна звезда означает – очень хороший ресторан в своей категории, две звезды – отличная кухня, ради ресторана имеет смысл сделать отступление от маршрута, три звезды – великолепная работа шеф-повара, имеет смысл предпринять отдельное путешествие сюда.

9

У вас имеется сообщение (англ.).

10

Без пива (дерьмовая жизнь) (англ.).

11

Еда для завтрака, или снэк, содержащая овес, орехи и мед, иногда рис, обычно запеченные до хрустящего состояния.

12

Франсуа Ватель (1631–1671) – метрдотель принца де Конде, покончивший жизнь самоубийством 24 апреля 1671 года прямо во время приема у своего хозяина из-за того, что ловля рыбы в тот день задержалась и он боялся, что приглашенные именитые гости останутся без свежей морской рыбы.

13

Один из величайших французских шеф-поваров второй половины XX века. Получил широкую известность в 90-х годах, покончил жизнь самоубийством, не оставив никаких объяснений, в феврале 2003 года в возрасте пятидесяти двух лет. – Примеч. автора.

14

Организация по взиманию членских взносов в области социальной безопасности и семейных пособий (Unions de recouvrement des cotisations de securite sociale et d'allocations familiales).

15

Суп из моллюсков с луком и беконом, который подается в сделанной в виде тарелки буханке хлеба. – Примеч. авт.

16

«Ты никогда не будешь один» – песня, написанная американскими композиторами Ричардом Роджерсом и Оскаром Хаммерстайном для мюзикла «Карусель» в 1945 году. Песня также является гимном английского футбольного клуба «Ливерпуль».

Персонаж пьесы Пьера Корнеля «Сид». Химена была влюблена в дон Родриго, тот вызвал на поединок ее отца и убил его, а она вынуждена была разрываться между любовью и жадой мести.

Купить: <https://telnovel.com/ru/giyom-myusso/zov-angela>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)